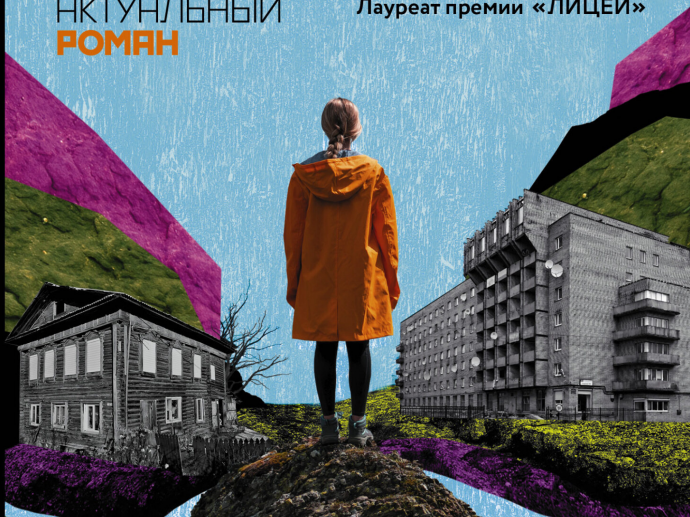

КАТЕРИНА КОЖЕВИНА

ЛУЧШИЕ ЛЮДИ ГОРОДА

АКТУАЛЬНЫЙ
РОМАН

Лауреат премии «ЛИЦЕЙ»

Катерина Кожевина

Лучшие люди города

Серия «Актуальный роман»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66995280*

*Лучшие люди города. Роман: АСТ, Редакция Елены Шубиной; Москва;
2022*

ISBN 978-5-17-146030-3

Аннотация

Катерина Кожевина – прозаик, по профессии социолог. Родилась в Омске, переехала в Санкт-Петербург. За роман «Лучшие люди города» удостоена премии «Лицей».

Маленький город на Сахалине живет по собственным законам, и сложно отличить, какой сейчас год – 2018-й или 1998-й. Вдруг привычный порядок рушится: крупная нефтяная компания решает построить в Крюкове новый завод. Москвичка Лена отправляется в необычное путешествие на край света. Чтобы спасти карьеру, ей придется завоевать доверие местных жителей и стать проводником между мирами: провинцией и столицей.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	46
Глава 7	55
Глава 8	62
Глава 9	69
Глава 10	77
Глава 11	83
Глава 12	91
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Катерина Кожевина

Лучшие люди города

Роман

* * *

© Кожевина Катерина

© Лебедева Виктория, художественное оформление

© Климова Марина, изображение

© Perito Burrito

© ООО «Издательство АСТ»

Глава 1

«Николай Гоголь» провалился в яму. На задних рядах кто-то вскрикнул, по салону прокатился лязг металлических пряжек, грудной ребенок дотянулся до ноты си второй октавы. У Лены внутри все сдавило, тело перестало слушаться. Стаканчик с остатками сока поскользнулся на раскладном столике и упал ей в ноги. Лене казалось, что чья-то невидимая рука трясет аэробус, словно игральные кости, и вот-вот швырнет с высоты 10 тысяч метров. Мужик на соседнем сиденье начал креститься, с отчаяньем втыкая троеперстие в круглый тугой живот. Лена заметила, что он крестится не справа налево, а слева направо – по-католически. Это наблюдение отвлекло ее от собственного страха. Через пару минут все успокоилось. Католик встал, открыл багажную полку, достал из сумки мерзавчик «Столичной» и отхлебнул.

Лена опустила голову. На джинсах расцвели томатные пятна, но это уже не имело значения. После восьми часов полета она чувствовала, как будто ее руки и ноги состоят из миллиарда маленьких сжатых пружин. Вот бы сейчас раскинуться на кровати в позе морской звезды, укрыться одеялом с головой и спать целую вечность. Планы на вечность тут же разрушила стюардесса: «Уважаемые дамы и господа, просьба убрать откидные столики, открыть шторы иллюминаторов и пристегнуть ремни безопасности». Тоска по дому за-

тянула Лену в узел.

Как конькобежец на вираже касается рукой льда, самолет тронул крылом облако, развернулся и пошел на посадку. Белая пелена рассеялась, и показался рваный берег острова. В аэропорту было жарко, хотя стоял октябрь. Резиновая лента навернула уже несколько кругов, а клетчатого чемодана все не было. Лена представила, что ее багаж вывалился во время турбулентности и приземлился где-то на площади в Улан-Удэ, а может, его по ошибке отправили в Таганрог или Астрахань. И все ее кашемировые свитера, австралийские джинсы и французские сорочки примеряют сотрудницы аэропорта. Хотя теперь им нужнее.

Чемодан выехал из тоннеля самым последним, с помятыми боками и расстегнутой молнией на кармане. Еле стацив его с ленты, Лена двинулась к выходу. У дверей она заметила тучного парня в камуфляжном костюме, с мясистым носом и короткой челкой. Он мял в руках листик, на котором печатными буквами было выведено – «Нефтепромрезерв». Лена подошла:

– Кажется, «нефтепромрезерв» – это я.

– А я – Коля. Едем?

Он выхватил багаж и покатил его в сторону стоянки. Колесики с трудом преодолевали трещины на асфальте – даже чемодан сопротивлялся глупому повороту судьбы. Коля остановился у машины, точнее, у настоящего вездехода: высота колес не меньше метра, из капота торчит труба, похожая

на кобру в боевой стойке.

– А это что такое? – Лена тронула металлическую змею.

– Да это шноркель, чтобы по дну реки ездить. У вас таких нету, поди, в Москве, – Коля тщательно изучил Лену и задержал взгляд сначала на заляпанных джинсах, а потом на белых кроссовках *New Balance*. – Прошу садиться в карету, мадмуазель.

Из аэропорта Южно-Сахалинска до Крюкова – не меньше четырех часов. На улице моросило, за окном мелькали невзрачные коробки гаражей и рекламные билборды: «Бестраншейная прокладка трубопроводов», «Мир пайки», «Союз православных пчеловодов». Лена задремала. Где-то через час Коля тронул ее за плечо:

– Вы, наверное, кушать хотите? Я позвонил тут Валере, сказал, что встречаю гостя из Москвы, он обещал свежих чебуреков сделать. Наши все у него берут.

Когда в игру вступают «наши», пасовать неудобно. Коля выскочил у придорожной забегаловки и вернулся со стаканом чая и масляным полумесяцем, обернутым в серую бумагу. Лена отхлебнула глоток, и нёбо моментально онемело от кипятка. К тому же чай оказался с сахаром. В Москве она старалась не есть сладкое и мучное, вставала на весы утром и вечером, но если жизнь теперь неслась под откос, то почему бы не придать ей ускорение? Лена отщипнула кусочек чебу-река и положила в рот. В середине мясо показалось сырым. Джип медленно двинулся с места. Разобравшись с обедом,

будто пройдя инициацию, Лена прилипла к стеклу. У самой дороги под пляжными зонтами сидели женщины в фуфайках и бриджах поверх колготок, а рядом с ними на столах вместо яблок или банок с огурцами, беспомощно раскинув щупальца, пылились огромные крабы.

– А сколько здесь стоит краб?

– Тараканы-то? Ну, этим рублей 300 красная цена. Но лучше брать по 500. Я знаю надежных людей, обращайтесь.

После крабов начались грибные ряды. На капотах, на леопардовых покрывалах и просто на земле стояли ведра с личичками, белыми, груздями и неизвестными шариками, похожими на большие шампиньоны.

– Надо же, какие боровики красивые! Вот бы их с картошкой пожарить.

– Э, нет. Грибы я у трассы не советую брать. Вы что же, не знаете, как людей дуруют?

– Не-а.

Коля снисходительно посмотрел на Лену и покачал головой:

– Самые лучшие грибы кладут сверху и на дно ведра. В середине – всякий лом и даже червивые. Вот ты купишь ведро, перевернешь его в пакет и не заметишь, что тебя развели. – Коля решил, что настало время перейти на «ты». – Сама-то в Москве родилась?

– В Москве, да. – От этого признания Лене стало неуютно.

– Ну, ты вроде ничего, хорошая девчонка. Но вот ваши

к нам когда приехали завод строить, столько гонора у них. Нет, подзаработать, конечно, дали. Я сразу возить народ на стройку подрядился. Но мужики у нас недовольны. Говорят, москвичи посуду не моют, а выбрасывают.

– Что?

– Грязную работу вы не любите и деньгами напоказ сорите. Но это я не про тебя конкретно, ты не думай, – сжалился Коля.

Машина ехала между голых сопок, напоминающих куски халвы. Вдоль дороги вытянулись трехметровые растения с толстым стеблем и широкими листьями.

– Коля, а это у обочины бамбук растет?

– Это? Да борщевик обычный. Он у нас и по 5, и по 6 метров вырастает. А бамбук я покажу тебе потом, когда подъезжать будем. Ты лучше про себя расскажи. Замужем? Дети есть?

– Нету. – Коля полез на приграничную зону острых тем.

– А чего так?

– Не хочу, – Лена не сдержала раздражения в голосе.

– Да ты не нервничай так. Ну нет и нет. Успеешь еще. Я вот недавно открыл для себя одного духовного деятеля, Ошо, – знаешь такого? Так теперь вообще не волнуюсь. Он говорил: «То, что есть, – есть. Остановитесь и увидите». Никуда теперь не бегая, спокоен как удав, с женой хорошо стало. Вот смотри, что она подарила, – Коля щелкнул подвеску на зеркале заднего вида. Рядом с георгиевской лентой, кре-

стиком и елочкой болталась разноцветная нитяная мандала.

Через несколько минут сзади пристроился черный *BMW*, резко подрезал Колин вездеход и умчался за горизонт.

– Ах ты, сука! Куда ж ты так торопишься, унитаза на лыжах! Чтоб тебе там шину пробило, урод! – Коля воспринял обгон как личное оскорбление.

Наконец они добрались до перетяжки над дорогой: «Крюков – город будущего». Лена подумала, что в России есть города светлого будущего и славного прошлого, но хорошо бы нашелся хоть один город настоящего.

Двухэтажные бараки из дерева, черного от влаги, торчали у дороги. Деревьев почти никаких, только низкие кустарники. Кое-где встречались кирпичные дома, огороженные двухметровым металлическим забором. На калитках – таблички-предупреждения про сторожевых собак: «Я добегу до забора за две секунды, а ты?» или «Собака злая, а кот вообще ниндзя».

Лене нужно было забрать ключи в офисе «Нефтепромрезерва» – компания снимала для сотрудников квартиры в центре Крюкова. Хотя различить, где именно у Крюкова центр, непросто: за полчаса город можно пройти насквозь. Офис открыли в районе пятиэтажек. Вскоре Лена поняла, что это и есть местный даунтаун. Маленький пятачок стал эпицентром общественной жизни – больница, две школы, «Сбербанк», ДК, улица Ленина, площадь Ленина, памятник Ленину, церковь-новодел, администрация города и два кафе-кон-

курента – «Ветерок» и «Тополёк». Она быстро забежала в контору, расписалась в журнале и взяла ключи у секретаря. Сюда Лена вернется завтра и будет приходить еще сто восемьдесят дней, которые тогда представлялись ей худшим временем в жизни.

Коля завел мотор и повез московскую пассажирку в ее временный дом. На перекрестке они остановились. По улице двигалась похоронная процессия, каких Лена никогда не видела. Впереди мужчина нес красный стяг с золотыми иероглифами, за ним на плечах тащили открытый гроб и крышку. На женщинах – белые платки, пара старушек одета в бежевые халаты поверх темных курток и пальто. Вот-вот замашут крыльями и взлетят, как сороки. Коля перехватил Ленин удивленный взгляд:

– Да это корейцы хоронят. Они вообще странный народ. Меня как-то позвали на поминки, так у них надо садиться и есть прямо перед гробом, пока его еще не закопали. Кусок в горло не лезет.

– Ужас!

– А ночью родственники играют с покойником в карты, развлекают его.

– А почему они в белом?

– Вроде как белый у них цвет смерти, как у нас черный. Типа, волосы к концу жизни седеют. И полюса у Земли белые. У меня есть друг-кореец, так прикинь, он когда родителям хотел новые окна ставить, они увидели, что белые, и ни

в какую. Дурной знак, говорят. Помереть бояться.

– А у корейцев тут свое кладбище есть?

– Да прямо. С нашими рядом закапывают. А иногда и жгут трупиков своих. У них положено. Уезжают на берег и разводят костры, крематория-то нет.

– А это законно вообще?

– А что им за это будет? Они же не убивают. У нас тут, Лена, свои законы.

Коля тормознул у одной из пятиэтажек. Желтая штукатурка начала сыпаться и обнажила рыжие кирпичные веснушки. Квартира на верхнем этаже. Коля обещал занести чемодан, но сначала хотел покурить. Лена вошла в подъезд, преодолела пару пролетов и обнаружила, что на третьем этаже не горит свет. Сунула руку в карман, достала айфон – что за черт, батарея села. Придется идти на ощупь. В подъезде воняло уксусом. Вдруг она почувствовала, что правая нога уткнулась во что-то мягкое и бугристое. Лена вскрикнула, рванула вниз через ступеньку и чуть не упала, вылетая из дверей.

– Коля, там человек лежит! Мертвец!

– Сейчас посмотрим, не ори.

Он взял телефон с фонариком и двинул в подъезд. Лена осторожно пристроилась следом. На третьем этаже Коля хотелнул:

– Ну что ты так вопила? Лежит парень, отдыхает. Ну, принял немного, не сухопутным же ходить.

Лена подошла ближе и увидела в луче фонаря оплывшее лицо. Человек в таком же камуфляже, как у Коли, лежал на площадке, положив руку под щетинистую щеку, и размеренно сопел. Он даже не почувствовал, что его потревожили.

Коля сделал еще одну ходку вниз за чемоданом и вернулся:

– Ну, бывай, подруга. Телефон мой сохрани. Я тебе, если хочешь, дам Ошо почитать. Тебе надо.

Лена попрощалась и вошла в светлую однушку. За окном гнули шею жирафы подъемных кранов и виднелся кусочек моря. В комнате было чисто, из мебели – стенка, стол и грязно-розовый разлохмаченный диван, весь в затяжках и нитках. Над диваном висел плюшевый ковер с золотистыми оленями. Лена села, с силой выдохнула и погладила оленя: «Ну что, будем дружить?» Олень ударил копытом и подмигнул.

Глава 2

Все началось с того, что Андрей Андреевич Корольков, владелец компании «Нефтепромрезерв», дочки большого нефтяного холдинга, посмотрел фильм «Матильда» про балерину Кшесинскую. Его настолько вдохновил антураж картины, что он вызывал к себе Лену и сказал:

– Скоро наш юбилей, Лена, серьезная дата, пятнадцать лет в отрасли – это все-таки не шубу в трусы заправлять. Денег не жалея. Закатим царский бал. Все должно пройти на высшем уровне, позовем партнеров, важных гостей.

– А может, позовем еще лучших работников из региональных филиалов, с заводов? Чтобы они тоже почувствовали себя частью команды. – Лена рвалась в бой.

– Слушай, я тебе доверяю. Сделай так, чтобы мне перед товарищами не стыдно было. И сразу по месту – это должен быть центр, недалеко от Кремля.

Корольков нанимал молодых заместителей, выпускников программ *MBA*, платил им большие зарплаты и даже делал вид, что слушает их советы. Он отчаянно пытался угнаться за временем, но чувствовал, что его золотой век остался где-то в девяностых. Бывший комсомолец, он рано занялся кооперацией, торговал машинами, попал в банковскую сферу, нарастил мышцы, и вот уже там, наверху, дали добро на допуск к телу № 1, а затем – и к кровеносной системе Родины.

ны. Правда, нефтянка нулевых оказалась делом скучным. Из предпринимателя Корольков превратился в чиновника средней руки, добровольно позволил приручить себя и поселить в контактный зоопарк. Каждый год он обновлял айфоны, менял любовницу на улучшенную модель и даже встал на сноуборд, но это не помогало. Вместе с волосами, которые покидали голову шеренга за шеренгой, уходило и чувство атаки. Он больше не ощущал себя полководцем, которому нужно вести затяжные войны за рынок, власть и собственную жизнь. Теперь он боролся с запахом изо рта и дряхлеющим телом. Недавно Корольков закрутил роман с Ириной Шу, победительницей конкурса «Газовая краса 2015». Теперь Ирина называла себя бизнесвумен, выпускала духи *Russian sterkh* и числилась сопредседателем в одном из фондов развития то ли инноваций, то ли моногородов.

Лена состояла у шефа на особом счету. Среди коллег-эйчаров она была самой активной, сыпала идеями и часто подменяла директора по персоналу Виолетту Иголкину. Корольков чувствовал в Лене родственный дух антрепренера. Она отвечала за мероприятия, программу студенческих стажировок, иногда вела собеседования. Лена стоически приняла идею проводить юбилей компании в стиле благородного дворянства, наняла приличное агентство и занялась организацией праздника. Вскоре для царского бала было решено снять галерею Мылова, расположенную в нескольких минутах от Кремля. Вместе с агентом Лена отправилась смотреть поме-

щение. На входе ее заставили надеть бахилы, просторные залы пустовали. Со стен на Лену уставились известные актеры и политики кисти народного художника с неестественно застывшими лицами, будто намазанными толстым слоем парафина.

В головном офисе «Нефтепромрезерва» работали четверста человек, еще сто, прошедших отбор на лучших сотрудников компании, приехали из регионов. Руководители северных офисов и заводов, аппаратчики, газорезчики и вышкомонтажники прибыли в Москву и поселились в гостинице «Пекин». В программе венский оркестр, парочка оперных певцов второго ранга и настоящий медведь с ненастоящими цыганами. Всех желающих пригласили в костюмерную «Мосфильма», чтобы подобрать платье в пол, сюртук, кадетскую гимнастерку, расшитый кафтан или поповскую рясу.

После концерта и торжественных речей Корольков, Ирина Шу, высший менеджмент и VIP-гости удалились в отдельный камерный зал. Лена раздавала поручения помощникам из агентства, пытаясь уследить одновременно за капризными артистами, медленными официантами и буйными гостями. Тяжелое морское платье в темно-синюю полоску гадко шуршало при ходьбе. Оно досталось ей от костюмерши по остаточному принципу – о своем внешнем виде Лена подумала в последнюю очередь. Теперь ей казалось, что это не курортный наряд, а роба заключенного. В какой-то момент Корольков пропал и вернулся в образе Николая II: наклеил

бороду, усы и надел мундир с эполетами. За столиками велись беседы о триатлоне, детоксе, кеш кау, адженде, аджайле и дью-дилиженсе.

Бывший депутат Госдумы делился впечатлениями от поездки в Колумбию:

– Недавно я съездил на ретрит. Там один шаман учил меня правильно пить айваску, чтобы постигнуть, кто я на самом деле.

– А что такое айваска?

– Ну, это такой индейский напиток на травах, помогает контакт с духами находить. Неделью только эту айваску пьешь и ничего не ешь. Нас в группе было человек десять, кого он вел к познанию себя. Бизнесмены, топы, один мэр. В хижине под потолком для каждого подвешен гамак, а вокруг гамака – москитная сетка. Ложишься в гамак и видишь, что где-то на уровне лица есть специальная дыра. Это чтобы блевать. Первые три дня вся айваска выходила из меня наружу. А потом перестала. И в какой-то момент я почувствовал, что возношусь на небо. А там ко мне подходит мужик в парике.

– Иосиф Давыдыч?

– Да не. Маленький такой. Я его спрашиваю: «Ты кто?» А он мне: «Кант». Говорю: «Прости, друг, не узнал». И так стремно стало. Я ж сам с Калининграда. И бухал на его могиле, и девчонок водил. А он: «Хочу, чтобы моим именем аэропорт назвали». Я ему: «Может, фонтан там или пляж хотя бы?» А он: «Нет уж. Хочу аэропорт, и всё тут». Ну что де-

лать, я нашим позвонил. Но они уже всё порешали. У главного дочка Лиза. В честь нее и назовут.

В соседнем зале, где выпивали рядовые сотрудники, праздник еще стремительнее набирал обороты. Распутин присел на пол, опершись на диван с золотыми вензелями. Его борода, инкрустированная кусочками рубиновой колбасы и перламутром майонеза, уже наполовину отклеилась и свисала жалкой мочалкой. Плотно сбитая балерина в сиреневой пачке лила слезы, глядя на себя в ростовое зеркало. За столиками дамы из бухгалтерии продолжали вести светские беседы, допивая по восьмому бокалу *Моёт*:

– Ну и на хрена ты дала этому прыщавому сисадмину? Маша, ты что, не знаешь себе цену?

– Конечно, знаю. Но мне давно не восемнадцать, скоро стукнет сезон распродаж.

Музыка Малера, Шопена и Чайковского отражалась эхом от арочных потолков, официанты в атласных кушаках разносили закуски, придерживая над головой круглые подносы. Пьяный начальник хозотдела снял с себя пиджак и накинул на плечи мраморной Афродиты: «Прикройся, стерва, распустила груди, стыдоба какая». Тут Лену потянула за руку секретарь:

– Там это, Эмилии Петровне плохо, надо скорую вызвать.

Лена бросилась в туалет. Эмилия Петровна, матрона лет шестидесяти, возглавляла финансовый отдел одного из региональных офисов, частенько навещалась в Москву и бы-

ла приглашена на праздник лично владельцем бизнеса. Видимо, знала что-то такое, отчего состояла на особом счету. Работать к себе брала не только после успешного собеседования или по рекомендации, но и делала для каждого кандидата расклад на Таро. А вот Тельцов не нанимала ни в коем случае – у них плохая энергетика. Эмилия Петровна сидела в углу женской уборной, широко расставив полные ноги, и верещала:

– Ой, девки, сердце защемило. Щас помру, дышать нечем. Грудь пятого размера почти вывалилась из декольте с пышным жабо. Рядом на коленках ползала ее заместитель, она же племянница, и обмахивала тетку кокошником. Пока ждали врачей, решили высвободить ценное руководство из тесной одежды. Лена попыталась расстегнуть платье, но «собачка» почему-то не двигалась. Наконец молния сдалась. Оказалось, что под платьем Эмилия Петровна обмотана для стройности какой-то силиконовой пленкой. Пришлось разрезать смертоносный кокон столовым ножом.

В самый разгар вечера, уже после того, как Эмилию Петровну увезли на скорой, Корольков решил переместиться из своего уютного зала с депутатами и менеджерами к остальным подчиненным. Он поправил ордена, встряхнул эполеты, взял шампанское, Ирину Шу и двинул в соседний холл. Госпожа Шу выглядела сногшибательно. На ней было обтягивающее боди, расшитое стразами, сапоги-ботфорты, а сверху накинут полупрозрачный халат из органзы. Высокую при-

чески довершала миниатюрная шапка Мономаха.

Один из лучших работников Ханты-Мансийского завода даже присвистнул:

– Жень, ты посмотри, какая Чио-Чио-сан идет!

А вот Корольков, который сновал между столиками и чокался со всеми по очереди, делегатам не понравился. Они не признали в ряженном Николае собственного начальника.

– Это что за пидорок с усами к нашим бабам клеится?!

– Так это ж, сука, царь! Николай, н-на!

– Ну-ка, отошел отсюда, фраер. Сейчас мы устроим тебе взятие Зимнего.

И трое крепких мужиков подошли вплотную к царю, отгородив его от столика с бухгалтерами. Один из рабочих попытался приобнять Ирину Шу.

– Это что за цирк? Вы кто вообще такие? – Корольков пришел в бешенство.

– Красные комиссары, н-на! – С этими словами самый высокий из троицы зарядил Королькову в челюсть.

Ирина Шу завизжала, зазевавшийся охранник рванул от дверей и скрутил пролетариат. Злой Корольков, вытирая кровь салфеткой, удалился с поля битвы. В зале продолжала играть музыка, но все внезапно замолчали. Веселье дало трещину.

Лена присела за бухгалтерский столик, налила себе *Hennessy* и хлопнула рюмку до дна.

Глава 3

Корпоратив завершился в ночь с пятницы на субботу. Выходные Лена провела скверно. Ощущение нависшей гильотины мешало нормально спать, есть, читать. Она отменила все встречи и просто слонялась по квартире в пижаме, с грязной головой. Лена ненавидела, когда что-то двигалось не по плану. Она не боялась наказания. Тяготило то, что ее образ безупречного организатора трещал по швам, как брюки на начальнике хозотдела, когда он остервенело крутил фуэте. И теперь презирала свое отражение в зеркале.

В понедельник она с трудом вытащила себя из дома и всю дорогу мечтала стать невидимой. Кажется, даже дворники и сонные зрители эскалаторных будок сверлили в ней дыры: «Ты облажалась, Лена». Это был не первый кризисный момент в ее карьере.

Пару лет назад Лена предложила Королькову выступить на крупном молодежном фестивале, чтобы влить в компанию новую кровь. Он воодушевился, купил модные кроссовки и надел цветные носки. Лекция началась прекрасно. Сначала Королькову пели дифирамбы и спрашивали, как устроиться работать в «Нефтепромрезерв». Потом спросили про капитализацию и разницу в зарплатах между бурильщиком и топ-менеджером. Он легко парировал: «Джентльмены не говорят о деньгах». Корольков сам указывал на того челове-

ка, которому следовало поднести микрофон.

– Вон тот рыжий парень, я вижу, тянет руку, с задних рядов.

– Здравствуйте, меня зовут Андрей. – Микрофон начал фонить и плеваться. – Так слышно?

– *Yes, of course.* – Лена давно собиралась намекнуть Королькову, что использование английских слов не делает его Илоном Маском.

– Вот у вас в совете директоров семь человек. И все они мужчины. Почему же там нет женщин?

Корольков перестал улыбаться. На щеках дернулись желваки, но он тут же взял себя в руки и решил отшутиться:

– Вы знаете такую поговорку? У семи нянек, – он на секунду замялся, – четырнадцать титек. А дитя без глазу. Так же и с компанией.

Лена с шумом втянула воздух сквозь стиснутые зубы. В первых рядах кто-то прыснул, по залу покатился шепоток. Корольков принял это за одобрение и попросил, чтобы задали новый вопрос. На следующий день в *YouTube* появилось видео, как шеф выступает на форуме. Феминистки выпустили несколько разгромных статей, по интернету разлетелись мемы и шутки. К Королькову накрепко прилипло прозвище «Четырнадцать титек». Лена боялась, что всю свою ярость шеф обрушит на нее: «Чья была идея с фестивалем? Почему этот недоумок вообще оказался на лекции? Нельзя было нормальных людей привести?» Но Корольков был доволен.

Ему позвонила пара друзей и похвалила, как же здорово он пошутил, так и надо с этим либеральным дурачьем. Скоро вообще начнут требовать, чтобы страной управляла чернокожая лесбиянка без ноги.

В тот раз Лене повезло, но сейчас другое дело. Раскачиваясь в такт движению поезда, она представляла, с каким позором ей придется собирать личные вещи в картонную коробку и сдавать пропуск начальнику охраны. На «Лубянке» вошла женщина в хиджабе, в длинной юбке и черной куртке. Пассажиры стали напряженно оглядываться и расползаться ближе к дверям вагона. Лена поймала себя на мысли, что ей тоже тревожно. Она понимала, что все это предрассудки, платок – всего лишь религиозный атрибут, как крестик. Она ведь не шарахается от каждого православного, хотя, может, и стоило бы. Но тревога только нарастала. Когда Лена три года назад купила машину, мать обрадовалась: «Ну, слава богу, будешь реже ездить на метро, там же теракты». Хотя вероятность погибнуть возросла в десятки раз. Вскоре неприятные мысли все-таки накатили: «А если рядом и правда террористка? Что я успела за свои двадцать девять? Не поставила ни одного великого спектакля. Впрочем, и невеликого тоже. Ипотеку не закрыла. Кто придет на мои похороны? Корольков теперь точно не явится. А гроб будет открытый или закрытый?»

Тем временем девушка в хиджабе достала из сумки зеркальце, гильзу помады и накрасила губы сливовым. У Лены

отлегло. Вряд ли смертница стала бы прихорашиваться перед тем, как ее тело разлетится на миллион кровавых кусков.

В офисе Лене передали, что Корольков будет ждать ее к двенадцати. Она дошла до приемной и села на малиновый диван. Секундная стрелка двигалась по циферблату резко и шумно, как будто кто-то все время передергивал затвор пистолета. Руки горели и стали влажными, но хуже всего – под мышками разрослись пятна пота.

Секретарь жестом показала, что можно войти. Лена с трудом открыла массивные двустворчатые двери и поздоровалась. Корольков ничего не ответил и даже не кивнул. Она несколько секунд простояла у входа, потом доковыляла до длинного Т-образного стола и отодвинула дальше от шефа кресло. Когда Лена садилась, блестящая кожа, перехваченная круглыми таблетками, пронзительно скрипнула. Корольков раскладывал какие-то бумаги, что-то подписывал, сверял, будто рядом никого не было. На дубовом столе уместились два серебристых макбука, золоченая лампа с синим атласным абажуром, черный кнопочный телефон и еще один дисковый, с наклейкой в виде двуглавого орла. В углу стоял книжный шкаф с коллекционными изданиями Ключевского, Бисмарка, Макиавелли и Сунь-цзы. За спиной шефа, почти у самого потолка, растопылив пожелтевшие ладони, висели старые лосиные рога. Не меньше минуты она просто молча сидела, уставившись на календарь «Служба экономической безопасности. Отечество. Честь. Доблесть». С каждой секун-

дой ей становилось все хуже, подступила тошнота.

– Что ты хочешь мне сказать? – Корольков заговорил спокойно, не отрываясь от своих бумаг и не глядя на Лену.

– Я? Я думала, что вы меня вызвали, чтобы... – она запнулась.

– Ты думала? А чем ты вообще думала, когда звала этих уродов? – Корольков отшвырнул ручку *Montblanc*. – Ты меня идиотом хотела выставить?

Лена полагала, что идиотом он выставил себя сам, когда нацепил царские усы. Но, естественно, промолчала. Шеф быстро загасил ярость и продолжил деловым безапелляционным тоном:

– С твоей северной лимитой разговор короткий. Они уже уволены. А вот по тебе вопрос не решен. – Корольков поднял на Лену полый, бесчувственный взгляд. Ей захотелось спрятаться под стол. Самым страшным наказанием была неизвестность.

Через полминуты он все-таки сжалился:

– Поедешь в командировку. Мы включились в большой партнерский проект.

Корольков намеренно цедил информацию.

– Куда?

– С глаз моих подальше. – Он снова назидательно замолчал. – На Сахалин.

– И что за проект?

– Новый завод сжиженного газа.

Лена представила безжизненную махину с тысячами баллонов, труб и датчиков.

– Что я там буду делать?

– Как что? Людей искать. Архитекторы, инженеры, конечно, есть. А вот ты будешь нанимать на стройку местных, чернорабочих, раз ты их так любишь. Должен ведь кто-то копать и дерьмо носить.

Лена мысленно примерила на Королькова лосиные рога.

– Ты чего улыбаешься? – Шеф покраснел и боднул перед собой воздух. – Ну, давай вместе посмеемся. Времени – полгода. Должна трудоустроить минимум пятьсот человек.

Казалось, что проще самой устроиться землекопом.

– Мне нужно подумать.

Корольков откинулся в кресле. «Сразу не прогнулась. Это хорошо».

– Ну, думай. Два дня у тебя. Но имей в виду, я ведь могу просто пальцами щелкнуть, и тебя ни одна собака на работу не возьмет. Если не начальство, так безопасники зарубят.

Лена резко поднялась, попыталась одернуть платье, но оно приклеилось к ногам. Когда она была уже в дверях, Корольков добавил:

– И вот еще что. Как говорят мои друзья-виноделы, чтобы ягода вышла хорошей, лоза должна страдать. Может, и выйдет из тебя толк.

Глава 4

Страдать Лена начала уже в свое первое сахалинское утро. Она проснулась от протяжного звука, чуть не проломившего стекло. Ей показалось, что за окном одновременно замычали сотни, тысячи коров. Потом звук повторился, но был уже глуше – стадо отступало. Из старого порта отчалила баржа. Солнце, не пойми откуда взявшееся, полезло из окна, как дрожжевое тесто. Тонкие нейлоновые шторы в ромашку совершенно не спасали от воинственного света. «Господи, всего полночь. Только полночь», – Лена посмотрела на свои наручные часы, которые, конечно, забыла перевести. Она даже толком не успела уснуть, а в Крюкове уже наступило утро. Кто вернет ей восемь часов жизни?

В подъезде вместо знакомого колдыря теперь валялась упаковка от презервативов «Эротика де Люкс» – знамя любви, победившей морок. Лена облегченно выдохнула и поспешила на свежий воздух. Пора раздобыть еды.

К торцу соседнего дома примкнул магазин «Магнат». Лена толкнула тяжелую дверь, обитую ветхим дерматином, и вошла. Продавщица в голубой пилотке и клеенчатом фартуке листала газету. Возле ящиков с овощами копались две старушки. Мужик в пиджаке поверх фланелевой тельняшки разглядывал витрину с баклажками пива. Они оторвались от своих занятий и заворуженно уставились на Лену, как будто

вместо грязного половика постелили красную дорожку и вошла сама Джулия Робертс.

– Вы почему за собой не закрываете? – наконец заговорила продавщица. – Тут швейцаров нет!

– Извините. – Лена с трудом прикрыла пудовую дверь.

Она огляделась. Обычный такой магазинчик. Кроме еды продаются шампуни, трехлитровые банки под соленья, уголь для мангала и женские панталоны.

– Мне йогурт, питьевую «Активию», можно?

Продавщица протяжно, испытующе посмотрела на Лену, а потом бросила с вызовом:

– Можно. 297 рублей.

– Сколько?! – Лене показалось, что она ослышалась. Это в шесть раз дороже, чем в Москве.

– Девушка, я так посмотрю, что вы не местная. Хоть бы ценники сначала изучили.

Если бы в Москве Лену спросили, сколько стоят яйца или масло, она бы растерялась. Лена давно перестала смотреть на цены в продуктовых и кидала в корзинку все, что ей хочется. Но сейчас она оглядела магазин еще раз и обнаружила, что самые привычные продукты – яблоки и помидоры – стоят баснословных денег, как будто их везут из соседней галактики, а не из братского Азербайджана. В центре зала в одном из ящиков лежал маленький, похожий на пушечное ядро, черный от пыли арбуз. Кто-то пальцем подрисовал ему улыбку. На ценнике было даже не написано, а выдавлено ручкой без

чернил – «1400 руб.». Похоже, арбуз лежал здесь вовсе не для того, чтобы его купили, а как символ лучшей богатой жизни, которая когда-нибудь непременно настанет.

– Ну, так что, брать будете? Если хотите, вот есть с нашего комбината – «Утро Родины». Он дешевле. И есть можно.

Продавщица поставила на прилавок литровый тетрапак с клубничным йогуртом.

– Нет, я возьму «Активию». – Лена не забыла пытку чебуреком. Лучше повременить с местной едой.

– Как хотите, – продавщица, кажется, обиделась.

Лена расплатилась, но потом все-таки решила спросить:

– А почему так дорого?

– Почему-почему. Пока с материка довезут – этому надо на лапу дать, другому надо на лапу дать. А платит кто? Правильно, мы. А у народа выбора нет. Все равно берут.

Сбоку подкрался мужичок в пиджаке:

– Да, нищает народ. Всё у нас отобрали. Мишка Меченый развалил Союз, зла на него не хватает. – Он вытащил из одного кармана несколько скомканных купюр, а из другого пригоршню монет. – Людочка, мне «Жигулей» полторашку и «Беленькую».

– А чего это ты с утра нарисовался? Оля на дежурстве, что ли?

– Да, нет, к матери уехала.

Лена вышла. Она выпила свой самый дорогой йогурт в жизни и направилась в офис «Нефтепромрезерва». За пять

минут пути ей встретила только одна бабулька, которая катила груженую сумку, будто тащила за руку непослушного внука. Лена представила, что оказалась в компьютерной игре про пандемию, когда по пустынным улицам слоняются зомби, кочуют перекати-поле и одинокие мусорные пакеты. В этой игре она была, конечно же, зомби: под глазами залегли фиолетовые синяки, лицо отекло, мозг вынули. Над дорогой нависла труба с желтой грыжей стекловаты. К этой трубе был приделан фанерный баннер – на фоне еловых веток и новогодних шаров надпись: «Тепла, уюта, благополучия». Висел он здесь, похоже, не первый год. Лена на секунду остановилась, а потом шагнула под арку теплотрассы. Это и есть ее портал в новую жизнь.

Под офис для сотрудников «Нефтепромрезерва» сняли второй этаж типовой школы. Детей в городе становилось с каждым годом все меньше, учеников стали уплотнять, и здание на год осталось сиротой. Потом его начали занимать офисы и магазины – точка микрокредитования «Честное слово», ломбард «Залог успеха» и целый павильон с товарами для охоты и рыбалки «Мужской рай».

Лена поднялась на второй этаж. В коридоре наскоро сделали ремонт – поклеили светлые обои с деликатными блестками, положили ламинат елочкой, выбелили потолок; правда, таблички на закрытых дверях по-прежнему напоминали о прошлой жизни – «Кабинет ИЗО», «Учительская», «Логопед». Здесь теперь работали администраторы, бухгалтеры,

инженеры, архитекторы, одним словом, планировщики. Но ничего не сдвинется с места, пока не появятся рабочие руки. Три сотни вахтовиков с опытом приедут сюда и поселятся в вагончиках прямо на берегу моря, но этого слишком мало. Королькову нужны батраки из местных. И мужчины, и женщины. Не меньше пятисот человек.

Секретарь проводила Лену на рабочее место. Ей достался кабинет географии. Беллинсгаузен, Амундсен и Миклухо-Маклай печально смотрели со стены на зарешеченное окно. В шифоньере за зеленоватым стеклом лежали минералы и какие-то сомнительные окаменелости, образцы торфа и чернозема. Кстати, а где же глобус? Впрочем, ответ она и сама знала.

Парты составили пирамидкой в углу, кроме трех. За двумя на деревянных стульях уже сидели дамы в районе сорока, одетые, как близнецы, в брюки со стрелками и темные трикотажные кофты, плотно натянутые на холмистые животы. Кадровиков Марину и Ирину наняли, чтобы оформить всю ту армию местных рабочих, которых Лене предстояло завлечь.

Они не сразу заметили, что кто-то вошел, увлеченно занимаясь своими делами: Марина подрезала ногти канцелярскими ножницами, а Ирина вязала крючком. Ее новые коллеги подскочили со своих мест и залебезили наперебой: «Ой, Елена... Фёдоровна, верно? А мы вас уже так ждем, так ждем», «Вы хоть выспались? А то лица на вас нету», «А у

нас тут все готово уже, журналы завели, квоты по бригадам Григорий Палыч прислал».

Лена не припомнила, чтобы кто-то ее называл так почти-тельно, по имени-отчеству. Только гайшники, перед тем как вымогать взятку. Она сказала, что новых заданий пока не будет, нужно во всем разобраться и провести одну важную встречу. Ленина парта стояла у окна в самом углу кабинета. На ней было нацарапано: «Помни свои корни. Есть вещи на порядок выше». Последний раз она сидела в классе во время выпускных экзаменов. За окном моросил дождь, свет лампы резал глаза, ноги замерзли. Ее взяли в кольцо директор школы, учительница литературы и классная.

– Будешь сейчас писать под диктовку, раз своей головы на плечах нету.

– Это же надо. Три года ее на медаль вели, пылинки сдували, а она такое выкинула.

– И где хоть капля благодарности? Его ведь в округ отправят, какой позор для школы.

Директор скомкал ее итоговое сочинение, исчерканное красной ручкой. Тема, которую Лена выбрала из утвержденного списка, показалась бы травоядной даже самому строгому педагогу – «Образ Родины в лирике поэтов XX века». Сочинение начиналось с эпиграфа – «Мы – лед под ногами майора». В цитатах, приведенных Леной, также встречались слова «говно» и «вертухай».

– Ты понимаешь, что это все низкий штиль? Это вооб-

ще не литература! Такие слова мог бы использовать писатель третьего ряда... Солженицын!

Лена молчала. Она давно презирала их всех, но, стиснув зубы, достала чистый двойной листок.

На подоконнике, рядом с Лениным рабочим местом лежал просроченный календарик с котенком за 2011 год. Интересно, что сейчас делает Макар? Гоняет мяч, выцарапывает на обоях руны или греет уши под батареей? Она взяла календарик и решительно зачеркнула сегодняшний день, 15 октября. Это придало сил. Каждую неделю Лена должна сдавать в Москву сводку о нанятых на стройку, а через полгода отчитаться перед комиссией, которую возглавит лично Корольков, о «завершении комплектации трудовыми ресурсами».

За спиной висела зеленая грифельная доска. На ней Лена будет рисовать звезды – за каждого нанятого рабочего, который приблизит ее к свободе. Так рисовали звезды на советских истребителях за подбитые самолеты врага. Вот и Лена ощущала себя высланной на фронт.

– Елена Фёдоровна, давайте перекусим. Я с собой колбаску принесла, печенье кокосовое. – Ирина опустилась под парту и зашуршала пакетиками.

Лена чувствовала себя оглушенной рыбой, ей не хотелось ничего. Только бы закончился этот день. А за ним следующий и следующий.

– Нет, спасибо, что-то нет аппетита.

– Везет вам, а я вот ем все, что не приколочено. Может, хоть чайку? Марина чайник из дома специально везла.

– Чая, пожалуй, можно.

Лена открыла сумку и достала термокружку, которую купила на свою первую зарплату в «Нефтепромрезерве». Она повертела ее в руках, отскребла ногтем пятно на донышке, а потом все-таки опустила на стол, резко, как будто поставила печать. Теперь всё. Она окончательно приняла правила игры. Своя кружка на работе будет поважнее, чем трудовой договор.

Перед тем как пить чай, Лена решила помыть руки. Марина объяснила ей, как дойти до женского туалета. Едкий запах хлорки, впрочем, стал лучшим навигатором. Внутри не было кабинок, и только низкие бетонные перегородки отделяли унитазы, утопленные в пол. К такой близости с коллегами Лена была не готова.

– Вы не знаете, нет здесь обычных туалетов с дверями? Для учителей?

– А, все учительские остались на первом этаже, там, где «Мужской рай». Но вы сходите, попроситесь к ним, может, пустят. – Марина раскладывала на тарелочке салями, кружочек к кружочку. Ирина разлила чай. Ленина термокружка возвышалась над двумя чашками в цветочек, как башня Москвы-Сити над спальным микрорайоном Камушки.

– А вы с Южного на чем добирались? – Марина закинула в чай три куска сахара.

– Откуда?

– Да это мы так Южно-Сахалинск называем.

Лена рассказала в общих чертах о своей одиссее на вездеходе.

– И мы на Коле ехали, он как дал гари, у меня чуть челюсть не отвалилась.

Выяснилось, что обе жили раньше в Южно-Сахалинске и работали в местном филиале «Нефтепромрезерва».

– А семьи ваши там остались?

– Угу. У меня дочь взрослая уже, хоть мужиков и жалко было оставлять.

– Да, Маринка у нас мать троих мужей, со всеми в разводе. Я тоже своего на хозяйстве оставила и деток. Сыну десять, дочке семь. Но мама там за ними приглядывать должна.

– Не скучаете?

– Скучаю сильно, но деньги-то хорошие. По пятницам буду домой ездить.

– А с собой взять не хотели?

– Нет, даже мысли не было. А что им тут делать? Дыра. Торговых центров нет, а куда их водить на выходных?

Глава 5

Лена допила чай и попрощалась. Сегодня у нее особая встреча, назначенная еще на «большой земле», – знакомство с главой района. По дороге в администрацию Лена наконец начала встречать людей на улицах. Но все они, как и посетители магазина «Магнат», таращились на нее в упор, несколько не стесняясь. Лена не понимала, чем вызывает столько внимания, – может, все дело в твидовом пальто или в яркой сумке. Лучше бы в Москве ее оставила. Но почему-то казалось, что дело вовсе не в одежде. Будь она хоть в ватнике и галошах или под плащом-невидимкой, ее все равно раскусили бы – чужая идет. Она двигалась стремительно, тревожно, обгоняя прохожих, как моторный катер – весельные лодки.

Лена вышла к главной площади и увидела издали человека тридцать, столпившихся у серебристого памятника Ильичу. Сначала она решила, что это какой-то митинг или концерт, но, подойдя ближе, поняла, что представление больше напоминает цирковой номер. По клочковатому газону напротив администрации скакали овцы, а за ними по этому же газону, буксуя и переворачивая дерн, гонялся полицейский уазик. Со стороны пассажирского сиденья из окна торчал громкоговоритель и вещал: «Гражданин Ким! Немедленно загоните свое имущество в грузовик! Вы нарушаете общественный порядок!» Овцы выбегали на дорогу, прово-

цируя, возможно, первую автомобильную пробку. Публика вокруг Ленина потешалась. «Гражданин Ким! Вы ответите за порчу зеленых насаждений!» Недалеко от клумбы с пожухшими бархатцами стоял припаркованный фургон, на котором, скорее всего, и привезли десяток шерстяных нарушителей. Рядом в болотных сапогах и клетчатой рубашке курил невысокий кореец. «Нам придется применить боевое оружие! Слышите?» Ким сплюнул сигарету, загасил ее носком сапога и за минуту с помощью длинного прута согнал овец к машине. Из кабины выскользнул паренек и помог перекинуть их в кузов, как мешки с картошкой, а потом запрыгнул сам. Двое полицейских хлопнули дверями уазика и вплотную подошли к корейцу. Один все еще не мог расстаться с громкоговорителем.

– Гражданин Ким, вы опять за свое. Придется выписать штраф. Порча газона – это, знаете ли...

– Да выписывай. Хоть завыписывайся. Где же мне их пасти, если вы всё запретили? Я в своем доме, на своей земле не могу ни чихнуть ни пернуть.

– Гражданин Ким! Попрошу...

– Что ты попросишь? Как маленький был, так впереди всех бежал: «Дядя Миша, дядя Миша, дайте молока из-под коровы». А теперь что? Вырос, погоны напялил, и всё – «гражданин Ким»? – Он махнул рукой, быстро зашагал к кабине фургона и завел мотор. Полицейские о чем-то зашептались между собой. Публика поцокала и начала расходиться.

Лена, так и не поняв смысла происходящего, зашла в администрацию. Под одной крышей расположились кабинет главы района, совет депутатов, загс, отделение полиции и суд. Вахтер в очках на пол-лица читал брошюру «Группы крови, типы тела, наша судьба». Похожие очки носил Влад Листьев. Лена хорошо помнила, как по телевизору показывали его похороны. Она тогда спросила мать, почему дяденька с цветами лежит в очках, ведь глаза у него закрыты и он все равно ничего не видит. Мать не нашлась что ответить.

Охранник встрепенулся, попросил у Лены паспорт, хотя двух человек перед ней пропустил просто так. Он начал медленно, тщательно выводя округлые буквы, переписывать в журнал ее данные со всех страниц. На листе с пропиской остановился, несколько раз перечитал, бубня себе под нос московский адрес: «Шипиловская, Шимиловская... хрен пойми». Потом секунд пятнадцать, как пограничник в международном терминале, сличал Ленину фотографию с самой Леной и наконец выдал листочек, похожий на квитанцию, – «Посетитель № 13, Горохова Е.Ф.».

Кабинет Юлии Михайловны, главы Крюковского района, находился на первом этаже. Лена дернула дверь приемной, но она не поддавалась, заперта на замок. Странно. Уже 11 часов, даже 11:02. Набрала номер – вместо гудков заиграла «Лунная соната» в электронной обработке. Никто не подходит. Набрала еще раз. На второй триоли из трубки раздался строгий голос:

– Слушаю.

– Это Елена Горохова, из «Нефтепромрезерва», у нас встреча с вами в одиннадцать.

– А, вы уже приехали? Я подойду минут через двадцать, – и добавила с нажимом: – Срочные дела, сами понимаете.

– Понимаю.

Лена ненавидела, когда кто-то распоряжался ее временем. Она вообще ненавидела ждать. Чаше всего приходилось ждать в районной поликлинике. Подростком она подолгу сидела у кабинета терапевта, считала рваные раны на старом линолеуме, слушала, как лампы, перебивая друг друга, мерзко стрекочут на ржавом потолке. Перед ней в очереди обычно сидели три-четыре старушки, которые вежливо здоровались, интересовались ее здоровьем и оценками в школе. Лена без труда угадывала «нотки» корвалола, котлет и жженого сахара в запахе их шерстяных кофт. Дамы давно перезнакомились и ходили на прием к врачу, как на светскую вечеринку:

– Нина, ты в этом году что сажать будешь – «Розетту» или «Пензенскую скороспелку»?

– «Розетту». И еще хочу «Ермака раннего» попробовать. Но боюсь, как бы колорад не пожрал. В прошлом году его, гада, еле собрала, потом лежала тряпочкой.

– А чего тебе колорад? Ты внуков попроси, пусть они жука собирают. Мои вон возьмется с ним, лапы отрывают.

– А моих не допросишься. Они где сели, там и вокзал.

Когда наступал черед Лены, она заходила в кабинет, бросала рюкзак у входа, садилась на краешек стула, стоящего боком к столу, и окликала врача:

– Привет, мам!

– А... привет, мышка, – женщина в белом халате отвечала, не отрываясь от собственных записей, больше напоминающих кардиограмму. – Как в школе дела? Что за контрольную?

– Четыре.

– Четыре? Почему не пять? – Мать поднимала на Лену глаза с нитками лопнувших капилляров.

Лена оправдывалась, что ей достался самый сложный вариант, что другие вообще схлопотали тройки и двойки, но мать всегда заканчивала разговор об оценках одинаково: «Неважно, как все, важно, как ты».

Лена обещала, что будет лучше готовиться, потом брала на карманные расходы мелочь из маминого кошелька и мчалась за «Дошираком» и кислющей жвачкой *Center Shock*. Лене было запрещено входить в кабинет по блату, не дождавшись своей очереди, даже за ключами или деньгами на обед.

Юлия Михайловна приехала через сорок минут. Она сменяла по коридору как пингвин, сопела и расстегивала по дороге свое болоньевое пальто.

– Ну, проходите. – Дама открыла ключом приемную, а потом и свой кабинет. – Я раньше на четвертом этаже сидела,

но потом решила переехать пониже, а то не набегаешься туда-сюда.

Перед входом висело прямоугольное зеркало, чтобы можно было посмотреть на себя, привести в порядок прическу перед тем, как попасть на аудиенцию. Стол в приемной прогнулся под тяжестью бумаг, стопки разной величины наминали тетрис, в который невозможно выиграть, – даже если собрать одну строчку целиком, она все равно не сгорит.

Юлия Михайловна выглядела то ли на сорок, то ли на шестьдесят. Точный возраст определить сложно. Полное лицо, без резких морщин сразу вращало в плечи – шеи почти не было. Золотые сережки с рубинами оттягивали крупные мочки ушей. На пальцах по несколько колец, как у жен арабских шейхов. Если муж прогонит, будет на что жить. Она вынула из сумки белый пакет и положила в маленький холодильник, стоящий в углу, потом села на стул и накинула висевший на нем синий рабочий пиджак. На лацкане – значок «Единой России» и герб Крюкова.

– Какие-то свиньи опять перед входом газон попортили, зла не хватает. – Юлия Михайловна, очевидно, не застала корриду с уазиком и овцами.

Лена в красках описала происходящее.

– Ким? Все не уймется никак, провокатор. Но ничего, суд разберется.

– А что случилось?

– Наконец-то областное начальство обратило на нас вни-

мание. Решили территорию вокруг реки объявить заповедником. То есть там ни строиться нельзя, ни хозяйство вести. Это все заповедная зона. Мы экологию блюдем.

– А с Кимом что?

– А у него там ферма стоит. Еще родители его строили. Он теперь, по закону, ничего делать не может. Ни землю копать, ни скот пасти.

– Кошмар какой. Я представляю, как ему тяжело.

– А что тяжело? Землю-то ему легко загрязнять. Там овцы, коровы, свиньи. Нечистоты, одним словом.

– Подождите, а наш завод? Ведь нам выделили под стройку территорию как раз вокруг реки. Получается, мы тоже на заповедной зоне?

– Ну, у вас же современное предприятие, современная очистка. – Она забарабанила пальцами по столу. – Это особый случай. Ну, вы понимаете.

Лена прекрасно понимала, и ей стало не по себе. Вряд ли местным это понравится.

Кабинет Юлии Михайловны был заставлен горшками с комнатными цветами, прямо над столом склонилась поникшая пальма в квадратной кадке. На стене портрет президента и, видимо, главы Сахалинской области. Они смотрели в разные стороны, как двуглавый орел. Здесь же висели благодарности, фотографии самой Юлии Михайловны: одна с губернатором, а другая – с юмористом Геннадием Фетровым, которого то ли вынужденно, то ли по недоразумению занесло

в Крюков. На гвоздике болталась связка медалей за победы на каких-то соревнованиях.

– А что это за медали у вас?

– А, это? У нас есть секция бадминтона. Иван Ильич уже двадцать лет ведет в 1-й школе. Ребята младшего возраста все областные соревнования выигрывают – наша гордость.

– А старшие что?

– А старших нет. Уезжают они. После девятого. Кто-то тянет до одиннадцатого, – она выложила на стол два телефона, раскладушку *Samsung* и айфон последней модели. – Так что вы хотели?

– Вы ведь знаете, начинается стройка завода, я отвечаю за подбор персонала. Мы бы хотели пригласить жителей Крюкова на работу. Сможете помочь?

– На работу? Я вон секретаршу нормальную найти не могу, на место теплое. А вы говорите – завод. Конечно, со стройкой все решилось без нас. – Юлия Михайловна бросила быстрый взгляд на портреты за спиной. – Мы люди маленькие. Но вот скажите, какая польза району от этого?

– Ну как же? Люди получают работу, смогут обеспечить свои семьи, станут меньше уезжать.

– Ну, это люди, а район?

– Разве это не одно и то же?

– Конечно, нет. Район – это дороги, дома, в конце концов, безопасность. Знаете, где я была сегодня? На рыбзаводе. Мы будем закупать 10 тонн рыбы. А где изыскать средства? На-

логи ведь в Москву пойдут от вашего завода, в лучшем случае – в область. Там всё съедят, а нам кость бросят.

– А зачем вам столько рыбы?

– Скоро зима. В прошлом году медведи задрали двух человек на окраине. И пять коров. Мы вынуждены раскладывать рыбу в лесу, чтобы обеспечить им «прикорм» перед спячкой. А то вот так пойдете гулять и встретите шатуна. И никто вам уже не поможет, даже они. – Она снова посмотрела на портреты.

На столе зазвонил айфон. Юлия Михайловна ответила:

– Да, Серёженька. Скоро приду, да. Нет, в магазине не бери ничего. Я рыбки красной принесу. Да. Дядя Паша передал. Ну всё, целую. Пока.

Лена улучила момент, чтобы съехать со скользкой темы:

– Подскажите, а как лучше рассказать людям про наш завод?

– Как-как. Можно развесить объявления на центральной площади, на остановках. Но вы видели, у нас стенды все поломанные? На остановках крыша течет. Потом можем людей в ДК собрать, но там микрофоны плохие, колонкам по двадцать лет уже. Народ придет, будет время тратить, от своих дел оторвется, их бы чаем напоить.

– Я поняла вас, Юлия Михайловна.

– Поняли, и славно. Я вам дам телефон своего помощника, Вани. Он все сделает как надо. И людей соберет, и с объявлениями поможет. Но вы тоже постарайтесь.

Лена кивнула. Она всю встречу невольно разглядывала портреты за спиной Юлии Михайловны, в массивных золоченых рамках.

– А, вам портреты понравились? Это я сама специально багеты заказывала. И фотографии выбирала.

– Хорошие фотографии. – Лена подумала, что губер еще ничего, а вот президент как-то неестественно обрезан по локти.

– Я Ваню попросила, он их в фотошопе обделал. Все-таки нехорошо, сейчас на всех портретах видно, что президент без кольца. А я думаю, неправильно это, что он развелся и жену новую не показывает, как будто стесняется. Мы ведь его всегда поддержим, он нам как родной. Правильно?

Лена неловко улыбнулась, записала телефон помощника и пожелала хорошего дня. Безрукий Путин безразлично посмотрел ей вслед.

Глава 6

На улице Лена заметила стенд «Лучшие люди Крюкова». С крайнего портрета на нее смотрела сама Юлия Михайловна, с шапкой коротких кудрявых волос и висками, стриженными под машинку. Лену охватила внезапная тревога. Погода испортилась. Облака проступили на небе, как грязная пена на говяжьем бульоне. Владимир Ильич, возле которого еще недавно толпились люди, тянул руку в сторону супермаркета «Семёрочка» и васильковых куполов церкви-новодела. По центру пятиугольной площади прогуливались две женщины с колясками, мимо промчалась бездомная собака с обрубленным хвостом. Лена вспомнила столицу и тот день, когда она своими руками выстелила дорожку в эту дыру.

После разговора с Корольковым о Сахалине и виноградных лозах она была сама не своя. Даже кофе выпила всего чашку вместо положенных семи. У выхода из бизнес-центра ее чуть не сбил с ног разносчик пиццы на самокате. Но вместо того чтобы разозлиться, она долго провожала его печальным взглядом. Москва никогда не казалась ей городом мечты, но в тот момент Лену накрыла острая нежность потери. Ей хотелось обнять каждый фонарь, каждого голубя, каждое транспортное кольцо, прорастающее уроборосом. И вон то-го парня с напмаженными волосами, которые блестят сильнее, чем его дорогие «оксфорды», и китайских туристов, па-

рами переходящих дорогу, и улицы, укатанные в плитку, и шпиль дворца с триколором, как из телевизионной картинки на Новый год. А вот домой ехать не хотелось. Пальцы сами потянулись к телефону.

– Эжен, нам нужно срочно встретиться. Кое-что случилось.

– Боже! Какой-то психопат сделал тебе предложение?

– Можно и так сказать.

В его голосе вспыхнуло радостное возбуждение.

– Через полчаса буду на Чистых.

С Женей Куропаткиным Лена познакомилась на заре своей HR-карьеры, пять лет назад. Их сблизил случай. Очередной новогодний корпоратив «Нефтепромрезерва» медленно катился к своему логическому финалу. Гости разъехались из ресторана, прихватив общественный алкоголь и столовые приборы. Лена сидела у барной стойки, отмечая боевое крещение. Кто-то похлопал ее по спине.

– У вас там это... женщину забыли. – DJ Эжен, ведущий вечера, уже успел переодеться из смокинга в вельветовый спортивный костюм.

За колонками действительно полулежала длинноволосая брюнетка, но Лена понятия не имела, кто это. Она наклонилась и потрясла незнакомку за плечо.

– Валера, лапы убери.

– Девушка, праздник закончился, вам домой пора.

– Сдрисни, сволочь. В отель не поеду.

Они побрызгали на нее водой, опять потрясли, пытаясь выяснить имя и адрес, но девица сквозь сон заявила, что никуда не собирается.

– И что дальше? – Это было первое невменяемое тело, с которым Лене пришлось иметь дело. Она нервничала, как молодой интерн.

– Можно вынести ее на мороз.

– Жалко. – Уже через год она без единой капли сомнения выставит на улицу младшего юриста.

– Ладно. Тогда подождем, пока ее не стошнит. Тут все равно еще убираться будут до утра.

Ждать пришлось долго. За несколько часов DJ Эжен пересказал Лене всю свою жизнь. Будущая звезда корпоративов появилась на свет тридцать лет назад в самом северном городе мира. Родители переехали в Норильск сразу после института. Они мечтали заработать денег и завести большую семью. Их план наполовину удался. В начале девяностых отец уже попал в менеджмент «Норникеля». И с тех пор чета Куропаткиных стала коллекционировать квартиры в разных районах Москвы и Сочи, надеясь, что когда-нибудь там поселятся их многочисленные потомки и они сами, когда выйдут на пенсию, наконец-то заживут по-человечески. Но после того, как родился Женя, мать так и не смогла выносить ни одного ребенка. Четыре беременности оборвались на ранних сроках. Уже подростком сын уговаривал родителей вернуться на материк, но отец мертвой хваткой держался за

свою службу. Дурак. Женя жалел их за синдром отложенной жизни и ничего не мог поделать. Он отучился в нефтегазовом, но его интересовала не карьера, а новый мир вокруг. Пестрый и изменчивый в отличие от затяжной полярной ночи. Он ни в чем не нуждался, менял сценические имена и просил, чтобы так его называли и в жизни, выступал на вечеринках, путешествовал и даже снялся в клипе Кати Лель. Но, несмотря на быстрое чередование декораций и планов, в жизни Жени была одна константа, о которой Лена и сама догадалась. Он все время был настороже, боялся, что его разоблачат и оттолкнут. Особенно близкие.

Искренность за искренность. Лена рассказала, как мечтала когда-то стать театральным режиссером, собирать полные залы и нехотя выходить на поклон: «Ну, что вы, это всё актеры, им и аплодируйте». А потом что-то пошло не так. Сначала мать категорически отвергла ее планы на театральный вуз: «Поднимись сначала на ноги, получи хлебную профессию. С твоими-то мозгами можно поступить хоть на юриста, хоть на экономиста. А массовиком-затейником ты всегда успеешь стать». Был бы жив отец... Он один умел гасить это воинственное благоразумие. Двадцать лет назад он даже уговорил мать потратить последние деньги на лотерейный билет вместо тушенки. Трое суток до зарплаты они ели только макароны.

Над Лениным рабочим столом еще со школы висел постер *Don't stress. Do your best. Forget the rest.* Даже если бы она слу-

чайно угодила в раскаленную лаву, то из всех сил старалась бы продержаться там дольше других. Но учеба на экономическом вовсе не была купанием в вулкане, а скорее заплывом через пресное озеро. Очень скоро Лена стала лучшей студенткой на курсе. На кафедре ей предложили отличную стажировку, потом работу в компании, о которой мечтали многие. Колея чужих ожиданий становилась все глубже. Лена разучилась говорить «нет». Ей ужасно не хотелось разочаровывать других, и в конце концов она разочаровалась в себе. «Может, я никогда и не была достаточно хороша для театра?»

Лена захандрила и решила еще выпить, но тут из-за колонок послышалось громкое икание. Через мгновение брюнетку стошнило. Они довели девуцу до туалета и по очереди держали волосы, пока та окончательно не пришла в себя. Потом вместе искали на полу ее потерянный телефон и звонили Валере, чтобы «наконец-то забрал свою любовь из ресторана».

В апреле Лена получила от Жени сообщение и чуть не подавилась кофе: «Ты не могла бы стать моей девушкой?» Она, не думая, ответила «нет». Через пять минут он позвонил.

– Это всего на сорок минут. Понимаешь, у меня отец из Норильска приезжает в командировку. Так уж вышло, что ты теперь знаешь меня довольно хорошо. Ну, и ты занималась в театре.

– А если обман раскроется?

– Не будь занудой. Они так переживают, что я до сих пор не познакомил их ни с одной женщиной. Все их друзья уже с внуками. Я решил, что это немного приободрит стариков.

– Слушай, ну, может, проще сказать, что ты никогда не женишься, – и добавила после неловкой паузы: – На девушке.

– Это их просто раздавит. А отец... Нет, он точно не поймет.

– И на что ты надеешься – что они ничего не узнают до конца жизни?

– Ну, в Норильске все живут на десять лет меньше.

– Эжен!

– Просто к слову пришлось. Короче, ты мне поможешь или нет?

Через день они встретились на застекленной веранде итальянского ресторана. На улице стоял уверенный плюс. Эжен стряхнул напряженное выражение лица и приобнял Лену за плечи. К ним приближался человек в норковой шапке и в куртке, тоже отороченной мехом. Он крепко пожал руку сыну и протянул Лене внушительный букет красных роз. Ей стало не по себе. Куропаткин выглядел значительно старше своих пятидесяти двух лет, с курчавой седой шевелюрой цвета топленого молока. Он небрежно взял меню и громко, так что люди за соседними столиками обернулись, сказал:

– Ну, выбирайте, что хотите. Папа с Севера приехал.

Его неловкая демонстрация достатка показалась Лене трогательной. Разговор завязался, на удивление, легко. Ку-

ропаткины смеялись и болтали о жизни в Норильске. О канатах, которые натягивают между домами, чтобы людей не сносило ветром, о северном сиянии, о газовых тучах и черном снеге. А еще Женя хвастался, как они втайне от матери бегали купаться в озеро Долгое, которое на самом деле никакое не озеро, а технический водоем ТЭЦ. Его называли норильским чудом, потому что даже зимой вода оставалась горячей. В конце вечера, когда отец ушел в уборную, Эжен растянулся в улыбке и подмигнул Лене. Вскоре ему подарили еще одну квартиру – с намеком на расширение семьи.

И вот через пять лет он приехал в кафе на Чистые в клетчатом костюме-тройке, кепке-ватсонке, с подкрученными усами и бело-голубой улыбкой.

– Ну, выкладывай.

И Лена рассказала все о корпоративе и предложении, от которого сложно отказаться.

– Не вздумай ехать в эту дыру! Ты же просто сольешь в унитаз полгода своей жизни!

– Я, вообще-то, рискую сейчас слить всю свою жизнь целиком. Как я потом буду искать работу?

– Ну, слушай, твой Корольков ведь не Брюс Всемогущий. И потом, ты можешь освоить новую профессию. Курьера, например.

– Вчера я заблудилась в соседнем квартале.

– Официант?

– Моя зарплата не покрывает и половину побитой посуды. А

ипотеку за меня некому платить.

Лена и сама не знала, зачем задевала друга. Он тяготился, что все его серьезные расходы покрывает отец, но не стремился это менять. Эжен сделал вид, что пропустил ее шпильку мимо ушей.

– Помнишь ту ночь? Ты рассказывала, как мечтала стать режиссером? Может, это повод круто поменять свою жизнь?

Лена молчала. Это была страшная мысль, которая и так не давала ей покоя. Эжен положил в рот кусочек стейка.

– Обещаю, что не дам умереть тебе с голоду.

– О, ты не знаешь, сколько я ем.

– Ничего, займемся собирательством.

– Эжен, я тебе очень благодарна. Но подозреваю, что через десять лет я просто проснусь никем. Неудачницей с десятью котами. Я потрачу силы, молодость, энергию на воздушные замки.

– Ты в любом случае проснешься Леной Гороховой. Понимаешь? Человек всегда больше своей работы, всегда больше любого проекта. В конце концов, как можно быть неудачником, когда у тебя десять котов?

– Но ведь только в голливудских фильмах герой ставит все деньги на zero и срывает куш. А по теории вероятностей...

– Ладно, Горохова. Я понял, что ты сыкло, но я тебя и такой люблю. Влюбишься в бурильщика скважин – проведу свадьбу со скидкой. Кстати, как у тебя на личном?

– Горизонт чист.

– Все вздыхаешь по своему урбанисту?

– Он архитектор.

– Ты все правильно сделала, не сомневайся. Найдешь кого-нибудь получше.

Но она сомневалась. За последний год не было и дня, чтобы Лена не сомневалась в своем решении насчет Лёши. Она готова была отдать свою годовую зарплату, чтобы просто поддержать его за руку.

Глава 7

Вернувшись после встречи с Эженом, Лена завалилась на грязный пол в коридоре и пролежала, не шелохнувшись, минут десять. Она решила, что вообще больше никогда не встанет, никуда не поедет и умрет от истощения. Возможно, так бы и произошло, если бы не одно обстоятельство. Обстоятельство высунулось из комнаты, разбежалось и с наскока атаковало Ленину правую ногу. Вторжение мохнатого астероида помешало Лене и дальше погружаться в свои страдания.

– Макар, прекрати сейчас же. Я тебе немышь.

Кот продолжил грызть ее носок, издавая низкочастотное урчание. Лена села и сгребла его в охапку.

– Хочешь жрать? Ладно, пойдем, жопа полосатая.

Макар послушно потрусил за Леной в кухню. Вообще он редко позволял себе такие выходки, но тут уж Лена слишком долго не обращала на него внимания – пришлось пойти на крайние меры.

У Лены с Макаром были не только дружеские, но и деловые, можно сказать, партнерские отношения. Она его кормила и чесала, а он, в свою очередь, нес службу завхоза, следил за порядком в доме, как ему казалось правильно – окапывал растения в горшках, стряхивал с комода пыль вместе с керамическими фигурками. У Макара было несколько нычек –

под кроватью, за раковиной в ванной, под ковриком у входной двери. Туда он утаскивал все, что лежало в беспорядке на полу, — упавшие носки, посудные губки и винные пробки.

Из-за Макара Лена впервые пошла на кражу. До того, как подружиться с ней, кот вел разгульный образ жизни. Он охотился на голубей, выпроваживал со двора конкурентов. Макар не был бездомным. Он жил на первом этаже их панельного дома и выпрыгивал на прогулку прямо из форточки. Как-то в феврале Лена увидела на подоконнике Макара, дрожащего, припорошенного снегом. Он поджимал переднюю лапку и тыкался мордой в закрытое окно, но никто не запускал его внутрь. Лене стало жаль кота. Она шагнула в сугроб и взяла его на руки. Макар не стал сопротивляться, а как-то сразу обмяк и прижался. Они вошли в подъезд, и Лена постучала в старую деревянную дверь со стесанными косяками. В глубине квартиры слышалось шевеление, потом кто-то начал медленно, громко впечатывая каждый шаг в пол, двигаться к ней. Напряжение росло. Лена подумала, что сейчас выйдет лесной тролль или великан.

— Кто там? Фёдорыч, ты?

— Это соседка с пятого этажа. У меня ваш кот.

Дверь распахнулась, и Лена чуть не закашлялась от спертого запаха перегара и гнилого лука. На пороге стояла женщина с обвисшим лицом кирпичного цвета. Байковый халат, накинутый на голое тело, едва прикрывал ее грудь в рыжую крапинку. Женщина протянула руку, схватила кота за шкир-

ку и швырнула в темный коридор, как шар для боулинга. Лена хотела возмутиться, но троллиха хлопнула перед ее носом дверью, не сказав ни слова.

С Макаром Лена потом частенько встречалась во дворе, иногда она покупала по дороге с работы пакет кошачьего корма и угощала своего нового друга, которого хозяева, кажется, не очень-то баловали. Уже тогда она придумала ему имя и даже титул. Гордая осанка, презрительный взгляд, благородный окуневый окрас и серебристое пузо. Не иначе как перед вами его сиятельство барон Макар фон Жоп. В одно весеннее утро Лена, как всегда, собиралась в офис, подошла к своей машине и увидела на капоте Макара. А рядом с ним лежалдохлый воробей. Макар чуть пошевелил воробья лапкой и посмотрел на Лену: «Вот тебе, подруга, от меня. Всё в лучшем виде. Уже задушенный».

Но потом Макар куда-то пропал. Лена не встречала его месяц или полтора, начала волноваться, не попал ли он под машину или под башмак хозяйки. Майской субботой, возвращаясь от матери, Лена увидела, как Макар, подранный, с откусанным кусочком уха и гноящимися глазами гордо вышагивает вдоль бордюра. Заметив Лену, он бросился ей в ноги, моментально забыв про свой титул, и начал пищать, как маленький котенок. Лена, растроганная, прижала его к себе, даже не думая, что испачкает бежевое платье, и поняла, что больше не хочет отпускать. Так она украла чужого кота.

Лена боялась, что Макар будет вести себя как дикарь, но

он быстро смекнул, что валяться на мягких простынях и есть по расписанию гораздо приятнее, чем морозить лапы и удирать от дворовых собак. Он проявил себя как педант. Ел только свежее, незаветренное мясо, мог минут пять копать-ся в наполнителе для лотка, пока не возведет наконец зиккурат идеальной формы. В квартире любил занимать позиции с хорошим обзором. Когда Лена умывалась, запрыгивал на край ванны и пристально следил, чтобы ни одно чудище не напало на нее со спины. Если она приводила кого-то домой после тиндер-свидания, кот мог лечь на подушку и впиться коготочками в голову гостя, издавая при этом самое нежное и невинное урчание. Лена злилась на него за такие выходки: «Тоже мне, моральный камертон».

После трапезы Макар прыгнул ей на колени и блаженно захрюкал. Лена залезла в *Facebook* и тут же отпрянула от телефона. На странице висело новое сообщение от бывшей одноклассницы, Оленьки Штейнберг. «Дорогая, у нас летом юбилей альма-матер, помнишь? Будут все наши, Натусик уже бронирует билеты из Нью-Йорка, Светуля отпрашивается у своего английского олигарха, Коля переносит какой-то форум. Ты ведь знаешь, у него все на год расписано. Кстати, как у тебя дела? Ты, наверное, уже большой начальник? Или выскочила замуж за банкира? В общем, жду не дождусь нашей встречи. Никакие отказы не принимаются».

Можно сказать, что всю последнюю неделю судьба щадила Ленино самолюбие, но, послав Оленьку, передумала. Те-

лефон выскользнул из рук и глухо ударился об пол. Лена решила, что это знак, и не стала отвечать. На хер тебя, Оленька. И кот с ней авторитетно согласился: «На хер-р-р-на хер-р-р-ур-р-р-ур-р».

Лену все сильнее будоражила мысль о новой жизни, трепетной темноте зрительного зала, горячем дыхании софитов. Какой спектакль мог бы стать ее визитной карточкой? Может быть, «Орфей» Жана Кокто?

На следующее утро Корольков позвонил сам.

– Ну что? Решила насчет Сахалина?

– Решила.

– Прежде чем ты скажешь «нет» и поставишь крест на карьере, хочу предложить тебе пари.

Вселенная качнулась. Лена, как несчастный Голлум, который любил загадки больше жизни, не могла пройти мимо ни одного спора.

– Какое?

– Твоя сорокалетняя начальница вдруг решила родить ребенка. Через полгода она собирается в декрет. Если ты вывезешь Сахалин, то станешь директором по персоналу.

– А если нет?

– Пойдешь мести улицы.

Перед глазами мигнула картина. Лена в дорогом платье, с идеальным макияжем рассказывает этим курицам из универа, что стала самым молодым директором по персоналу в нефтянке. Почти все они выросли в обеспеченных семьях,

носили *Louis Vuitton*, ездили на красных «мини-куперах». Лена чувствовала себя неудобно. С ней здоровались, иногда шутили, просили конспекты или подсказку на экзамене, но никогда не звали на вечеринки, не обсуждали парней и не хвастались косметикой. На втором курсе она полгода откладывала деньги, которые мать выдавала на обеды. Между парами вместо супа съедала булку или бутерброд с сыром, принесенный из дома, и наконец купила маленькую сумочку *Furla*. В эту сумочку не влезала ни одна тетрадка, но Лене было плевать. Ина заработанный гастрит тоже. Она во что бы то ни стало хотела показать одноклассницам, что одной с ними крови.

Утром перед парами Лена небрежно накинула ремешок на плечо и вышла на улицу. Обычно она садилась за первую или вторую парту, но тут подошла к четвертой, где та самая Оленька остервенело пудрила прыщ над губой. Лена спросила, не занято ли рядом, выложила на стол свою *Furla* и начала демонстративно копать в поисках ручки. Соседка заметила сумочку и протянула ладонь, чтобы погладить блестящую кожу.

– Ой, извини. Я хотела посмотреть, думала, это из новой коллекции. – Длинноволосая фея убрала руку и снова уткнулась в карманное зеркало. – А такую я два года назад носила, только желтую.

Пелена рассеялась. Карета превратилась в тыкву. Гастрит напомнил о себе ноющей болью. В тот момент Лена решила,

что через несколько лет купит себе столько сумок, сколько нарощенных волос на Оленькиной глупой голове. Сейчас она была к этой цели как никогда близка.

Еще пять минут назад Лена стояла на краю трамплина, готовая прыгнуть в незнакомую воду. Но сейчас снова шагнула на твердую землю.

– Я согласна. Директору ведь положен личный водитель?

– Быстро учишься, девочка.

Глава 8

Сейчас Лену не прельщало ни одно вознаграждение. Даже если бы ее личным водителем вызвался быть сам Корольков. Она позвонила по номеру, который ей продиктовала глава Крюкова.

– Ваня?

– Да, кто это? – голос звучал глухо и надсадно.

– Меня зовут Лена. Юлия Михайловна дала ваш номер, сказала, что вы можете решить один вопрос.

– Вы по поводу накладных?

– Нет, я по поводу нового завода. Мы можем сегодня встретиться?

– А какой сегодня день?

– Понедельник. – Лена несколько растерялась от такого вопроса. В трубке послышалось какое-то шуршание. – Иван? Никто ей не ответил.

– Алло, вы где?

– Как раз это я и выясняю. Ладно. Приходите в «Тополёк» через час, обсудим.

Лена открыла карту. До кафе можно дойти за семь минут черепашным шагом. Чтобы убить время, она решила навёрнуть лишний круг. К противоположному краю площади пристроился мраморный мемориал. Рядом с ним скакали два па-

цана лет восьми и коптили палки на Вечном огне. Лена подошла ближе. Увидев ее, мальчишки бросили свои копья и помчались вверх по соседней улице. Вечный огонь жужжал в сердцевине пятиконечной звезды, как назойливая муха. На стеле рядом Лена прочитала: «Освободителям Сахалина от японских захватчиков, сентябрь 1945 года». Надо же, здесь даже война – своя.

«Тополёк» разделил с нотариальной конторой одно здание – бетонную коробку, упакованную в желтый сайдинг. Лена нырнула внутрь сквозь штору из пластиковых бусин, которые от ее прикосновений нежно зажурчали. В кафе стоял полумрак, облупленные кожаные диваны манили прилечь, мятно-яблочный аромат подсказывал, что здесь недавно курили кальян. Посетителей не было. Лена заказала кофе и грибной суп. Чтобы скоротать время, она сделала несколько звонков в Москву, договориться о «социальной ответственности» в виде микрофона, колонок, чая и печенья.

Ваня появился внезапно, вспыхнул рядом с Леной, как лампочка в темноте. Ярко-рыжая шевелюра, неровная щетина, чуть выпяченная нижняя губа, одет в зеленую куртку «с погонями». Он плюхнулся напротив и откинулся на спинку. К ним сразу подошел официант:

– О, Ванёк, давно тебя не видели. Ты где зависал-то?

– Потом, Витюша, потом.

Кажется, Ванёк не принял Лену за сколь-нибудь важную персону.

– Так вы что хотели, регистрацию на катер?

Лена вкратце описала ситуацию со стройкой и поиском людей. Ей показалось, что собеседник не уловил и половины того, что она говорит. Он смотрел мутным взглядом за Ленино плечо, ни с того ни с сего выгибал брови, двигал челюстью. Его кожа отливала серым и вокруг глаз собралась в гармошку, как колготки на коленках, под нижним веком проступила венка.

– Что скажете? Когда мы сможем договориться с ДК?

– Будет пицца, – он явно силился вспомнить пословицу целиком, – будет пиво.

Лена начала закипать. Ванёк не был пьян, уж в этом-то она разбиралась. Похоже, он все еще был под кайфом. Она поискала глазами официанта, чтобы попросить счет, но в зале было пусто.

– Ладно, Ваня, мне пора. Передам Юлии Михайловне, что наша встреча не удалась.

– А-а-а. Так вы от Юли Михалны. И что же вы сразу не сказали, устроим мы ваш сабантуй. И катер оформим, – он выпрямился и даже сфокусировал на Лене взгляд, но та уже поднялась со своего места и начала наматывать шарф. Ванёк тоже поднялся и уронил руку ей на плечо: – Ну, куда вы пошли-то? Мы ведь не договорили. – Лена стряхнула его ладонь, как налипший снег, нагнулась за сумкой и увидела, как по кафелю расползлась красная клякса. Ваня стоял невозмутимо, чуть подавшись вперед, и как будто не замечал, что из

его носа начали вылетать и пузыриться гейзеры крови. Уже через секунду на полу проявилась картина Поллока.

– Твою мать. – Лена схватила со стола салфетки и сунула Ване в руку. – Садись и зажми нос, только голову не закидывай.

Она добежала до кухни и заглянула внутрь. Витюша флиртовал с посудомойщицей и примеривал ее косынку. Маленькая повариха рубила картошку.

– Дайте лед, срочно. В полотенце.

Троица не сдвинулась с места. Ножик продолжал щелкать о разделочную доску, девушка у мойки смотрела на Витюшу, Витюша, приоткрыв рот, смотрел на Лену.

– Ну, что стоите? У человека кровь из носа.

Он стянул косынку и полез в холодильник. Когда Лена вернулась, Ванёк сидел с бордовым комком из салфеток и давил улыбку.

– Вот идиот. – Она приложила полотенце со льдом к его переносице.

В это время в зал вышел Витюша с тряпкой и молча вытер пол.

– Кажется, надо вызвать скорую. Это может плохо кончиться. – Лена полезла за телефоном.

– Вот этого точно не надо, – Ванёк вдруг заговорил твердым уверенным голосом, – даже если помирать будешь, в нашу больницу ни ногой. Весь город будет знать, геморрой у тебя или сифилис.

Кровь постепенно унялась.

– Какой у тебя адрес? Я такси вызову.

– Да кого ты вызовешь? Тачки у нас на живца ловить надо.

Сам доберусь, не парься. Идти три минуты.

Лена положила под пивную кружку деньги за двоих и за локоть вывела Ваньку наружу.

– Я должник твой. Наберу завтра.

– Жду. Считаю минуты.

– Зря ты так, я тебе пригожусь. – Он запустил пятерню в волосы и попытался пригладить вихор.

– Хорошего вечера. – Лена развернулась и пошла назад через площадь.

Дома она стянула одежду и залезла под душ, ей очень хотелось смыть этот бесконечный день, бесполезные знакомства, мутное небо, мутный взгляд Ивана. Горячая вода лилась медленно, волосы намокли и прилипли к шее, прозрачные ручейки обвивали, размягчали сердце, уносили в недра сливного отверстия все раздражение и усталость. Но равновесие с миром длилось недолго: душ поперхнулся и выплеснул на Лену струю ледяной воды.

Ночью она открыла глаза и не сразу поняла, где находится. За окном кричали чайки, но откуда взяться чайкам в Зябликово? Телефон моргнул и погас – пришло сообщение от Лёши. Как говорится, в аду должен быть отдельный котел для бывших, которые пишут: «Привет, как ты там?» Сначала она

вообще не хотела отвечать, сделала вид, что не прочитала. Потом решила написать как есть: что думает о нем каждый день даже во сне. Долго набирала, стирала, опять набирала.

Привет, я норм
Чем занимаешься?

Сплю
В 7 вечера???

Я тебе не рассказывала. У меня командировка на
Сахалин. Тут 3 часа ночи
Круто. Надолго?

Полгода
!!!????!!!!???

Ага
Надеюсь, ты не из-за меня сбежала из Москвы?
Ну, нет. Слишком много чести

Повисла пауза. Лене не хотелось заканчивать переписку.

Лучше расскажи, чем занимаешься
Пишу трактат. О роли моей бывшей девушки в
несовершенстве бытия
Ты настоящий придурок (смайлик)
Спасибо, что не игрушечный (смайлик). Ладно,
просто хотел узнать, жива ты или нет. Все-таки не чужие
люди

Лена взяла короткую паузу и набрала:

Пока еще не чужие

Сообщение не прочитано. Сердце бьется где-то у щито-

видки. Пять секунд, десять секунд, наконец синие галки.
«Алексей печатает...» Господи, сколько можно? Что он там
пишет, неужели и правда трактат?

Мне жаль, Лена

Мне тоже

Береги себя (скобка)

И ты (две скобки)

Было ощущение, что она изо всех сил держится за края
мясорубки, но пальцы слабеют, и скоро ее начнет скручивать
от меланхолии. Уже проклюнулось опасное желание вклю-
чить *No Doubt*, напиться в дугу, позвонить и рыдать в трубку.
Но как же можно сходить с ума по человеку, который даже
не умеет гладить рубашку?

Глава 9

Три года назад Лена решила совершить что-то неординарное, выбивающее ее из ритма белки-марафонца. Город давил и выматывал, люди, казалось, высасывали последние силы. Лене захотелось совершить побег из цивилизации, и она купила путевку на Алтай. «Лучше гор могут быть только горы», – процитировал Высоцкого агент компании «Веселые кеды» во время их встречи. Но уже в первый день похода Лена была готова с ним поспорить. И Саграда Фамилия, и Руанский собор, и даже жалкий Колизей гораздо лучше гор. Она смертельно устала, пятнадцатикилограммовый рюкзак натер плечи, комары противными укусами набили на ее руке созвездие Лебеда.

«Боже мой, как же я, оказывается, люблю города. Вернусь и первым делом пойду в Пушкинский музей. Хотя нет, лучше в Третьяковку. Там отличные теплые туалеты. Вот только бы выжить и вернуться». Лена сидела на камне с тремя сухими ветками в руке. Вокруг люди в дутых жилетках и светоотражающих куртках разбрелись в поисках опавшего лапника и прутьев для костра. Чуть ниже, у подножия горы, четверо парней ставили огромную палатку-полусферу, похожую на муравейник.

Телефон не ловил. Лена боялась, что там, на «большой земле», без ее участия что-то уже наверняка случилось. Мо-

жет, с родными, может, на работе, а может, началась революция или Северная Корея скинула ядерную бомбу на Москву. С помощью палочек связи Лена как будто могла дирижировать реальностью. А теперь весь мир за пределами их маршрута стал как бедный кот у Шрёдингера, – он одновременно был прежним, со Спасской башней и статуями Церетели, и уже превратился в руины, по которым рыщут голодные собаки.

«Муравьи» развели огонь и уселись вокруг него. Лена медлила. Может, если я останусь здесь, никто и не заметит? Какой-то долговязый человек, сойдя с орбиты костра, зашагал по направлению к ее убежищу.

– Привет, ты чего это здесь сидишь? Ужин готов.

– Загораю. – Солнце уже наполовину окунулось в закатную дымку, как вишенка в мартини.

– Видел, что ты сегодня шла сзади всех. Всё в порядке?

– Угу. Просто не люблю ходить толпой. Что это там происходит? – Она указала палкой в сторону места, откуда раздавалась какофония смешков.

– Началась игра в снежный ком. Все знакомятся.

– Господи.

– Подожди, это они еще гитару не достали.

Лена одобрительно хмыкнула и решила наконец разглядеть своего собеседника. Худой, горбоносый, с длинными прямыми ресницами, как у коровы.

– Лёша. – Он пожал Ленину руку отрывисто и твердо, как

будто вложил в ее ладонь эстафетную палочку.

Эту палочку она чувствовала еще долго, пока они спускались к общей палатке.

На следующее утро всей группой умывались на реке. От ледяной воды сводило зубы. Бывалые туристы заняли самые лучшие места – встали по течению выше остальных. На завтрак сварили рисовую кашу со сгущенкой. Лёша помогал гиду накладывать липкую массу в пластиковые миски. Когда подавал тарелку Лене, дотронулся до ее пальцев. Она заметила. Потом собрали лагерь и двинулись в путь. Группа из двенадцати человек растянулась метров на 200. Впереди шел гид Серёга в шортах и легкой майке, несмотря на прохладную погоду. Замыкал эту змейку Роман Григорьевич, пятидесятилетний «дед» и гроза неопытных девчонок. На нем была парусиновая куртка, кудри ниже ушей, которые он продолжал отращивать, несмотря на залысины. Вокруг головы повязана черная лента, как у Рэмбо. Роман Григорьевич любил собирать пахучую траву для вечернего чаепития, умел вязать рифовые, шкотовые и брам-шкотовые узлы, а еще знал весь репертуар Юрия Кукина.

Лёша шагал рядом.

– Наш «ветеран» вчера сказал, что на этой траве можно сколотить целое состояние. – Он кивнул на поляну мелких розовых цветков, сползающую с холма пятном лишая. – Местные ее копают, сушат, а потом в городах продают как лекарство.

– От чего?

– От импотенции.

– Это перспективно. Может, откроем свой бизнес?

– Да мне бы с одним справиться.

– А чем ты занимаешься?

– Я архитектор. У меня маленькое бюро.

– Архитекторам разве не положено проводить свой отпуск в городах?

– Воровать чужие идеи?

– Я бы сказала – вдохновляться.

– Я вдохновляюсь на природе. Запоминаю линии, ищу материалы. Как Алвар Аалто. Взял и придумал церковь, которая похожа на горный хребет.

– И табуретку из «Икеи»?

– О! Да ты знаток!

– Ага. Моя фамилия Друзь.

Они проболтали целый день и не заметили, что добрались до следующей стоянки. Когда ложились в палатку, Лёша как будто случайно постелил свой спальник рядом так, что их плечи теперь касались друг друга. Лена боялась, что он услышит, как ее дыхание стало сбивчивым, начала повторять про себя: «Четыре счета на вдох, еще четыре – задержать дыхание, четыре – на выдох». Потом внезапно поняла, что он тоже сейчас не спит, а только делает вид. Так они и пролежали полночи, как две мумии в саркофагах, опасаясь пошевелиться и порвать тонкую паутину, в которую оба угодили.

Утром произошло ЧП. Пара длинноногих девиц и маркетолог Валера не вышли вовремя к месту старта. У них начался понос. Все трое накануне вечером пили чай с «особыми травами», которым угощал Роман Григорьевич из своего термоса. Самого Рэмбо трава не пробрала. Переход отложили на несколько часов.

Лена прочитала в каком-то женском журнале, что есть двадцать три эмоции, которые человек не может объяснить. Неосознанное желание смотреть другому в глаза называется опия. Это была она. На завтрак у костра, пока собирали палатку, Лена все время встречалась взглядом со своим ночным соседом и замирала, как морская фигура из детской игры. Поход уже не казался ей такой отвратительной затеей. Она радовалась, когда замечала на дороге сусликов. Роман Григорьевич сказал, что местные водители зовут их «смертниками» – делают ставки, можно ли проехать 5 километров и никого не задавить. Своим палкам для треккинга Лена дала имена – правую назвала Розой, а левую – Зинаидой, уговаривала их не ломаться.

Часам к трем разбили лагерь на берегу озера. Под водой росли сиреневые ирисы и нежные маслянистые водоросли. Гид Серёга потащил всех купаться, хотя никто не подписывался вступать в ряды моржей. Лена сначала отказывалась, но потом, глядя, как остальные девчонки с криками бросаются в воду, решила, что она ничем не хуже. Разбежалась, пролетела долю секунды над поверхностью и окунулась с го-

ловой, потревожив отражение гор. Она никогда не ходила на крещенские купания, да и в Бога-то не верила. Но сейчас, уже стоя на берегу в полотенце, ощутила то, что могла называть благодатью.

Между палаткой и соседней сосной натянули веревку и повесили сушиться купальники и полотенца. Потом Роман Григорьевич повел всех, кроме Валеры, пострадавшего от поноса, на ближайшую гору, которую прозвали фиолетовой: в ее скальной породе очень много яшмы. Лёша отковырял камень в виде звезды и протянул Лене. Когда вернулись через полтора часа с карманами, тяжелыми от цветных булыжников, на веревке не оказалось двух купальников. Их не было и на траве в радиусе 100 метров. Валера мирно спал в палатке. У одной из девиц началась истерика – пропал ее любимый *Calvin Klein*. Все занервничали, стали гадать, откуда могли прийти воры. Ложились с плохим настроением. И на этот раз между Лёшей и Леной протиснулся Серёга.

Рано утром проснулись от криков Валеры, который вышел на минуту в туалет. Он залез обратно, больно наступая коленями на тела в спальниках, и всех перебудил:

– Там лось. Ло-о-о-о-о-ось! А-а-а-а-а-а-а!

Лена выглянула из тамбура. Мимо костровища пролетел сохатый, прижимая к брюху тонкие сложенные пополам ноги. А на рогах у него болтался купальник *Calvin Klein* и чьи-то салатные плавки.

После завтрака предстояло главное восхождение. Группа

медленно набирала высоту. У Лены началась одышка, кололо бок. Ботинки натерли большой палец. Чем выше поднимались, тем больше было дышать полной грудью, появился привкус крови. И к чему этот героизм? Эта необъяснимая жертва? Роман Григорьевич крикнул через плечо: «Самурай не знает цели, у него есть только путь». Вокруг уже не было никакой растительности, их окружала черная каменистая земля и грязные половики снега, на которых можно легко поскользнуться. Лёша шел впереди и подавал Лене руку. Через пару часов вся группа наконец добралась до плато. Перед ними открылся вид на черно-белые пики гор, как будто стояя косаток плыла по океану. Казалось, что под ногами стелется туман, но это был не он. Туманом притворились облака, которые в прямом смысле теперь можно было потрогать рукой. Волосы намокли, лицо как будто кто-то облизал, но в этот момент Лена почувствовала, что находится на своей самой главной вершине. Все ее внутренние пружинки распрямились, захотелось остаться здесь навсегда.

Спускаться было непросто, но все же легче, чем восходить. Лена отстала от Лёши, несколько раз больно ударилась о камни. В самом конце спуска она совсем потеряла равновесие и проскользила на попе несколько метров. Слезы выступили даже не от боли, а от обиды, что цель была так близко, но она не удержалась. Лёша увидел ее всю в грязи, с клочками травы, прилипшей к штанам, и обнял так крепко, что ребра захрустели. Плотину прорвало. Лена завывала в голос,

и это были самые сладкие слезы в ее жизни. Ей больше не хотелось ничего контролировать. Молча дошли до места, где нужно было разбивать лагерь. Пока остальные разбирались с брезентовой ярангой, Лёша достал теплые куртки, взял Лену за руку и повел в лабиринт между сосен. Они, потные, уставшие, завалились прямо на прятную хвою, еле стянули влажные вещи. Мошки атаковали незащищенные части тела, корешки впивались в спину. А потом сидели по-турецки и смотрели на звездную сыпь. Никто их не искал.

Глава 10

Сахалинский часовой пояс все еще выдавливал из Лены последние силы. Утром она почувствовала себя младенцем из племени майя – их голову тоже стискивали прессом, чтобы та приняла остроконечную форму, как символ плодородной кукурузы. Кое-как придя в себя, Лена решила, что пора действовать без посредников, – заскочила в офис, а потом направилась в ДК. Ее то и дело окружали стайки визжащих детей, которых сзади подгоняли родители. Без сомнения, это было самое красивое здание в городе, построенное в стиле сталинского ампира, с выщербленными ступенями, светлыми колоннами и двумя круглыми барельефами на фасаде: на одном – сноп сена, на другом – арфа. Над входом висела растяжка: «Шубы из добротного мутона». В вестибюле пахло краской, старый паркет скрипел, как расстроенная виолончель, полукруглые окна прятались за лиловыми портьерами с многослойной драпировкой. У Лены защемило сердце от ностальгии. Вот-вот из-за поворота выйдет нетрезвый худрук Голобородько и позовет на репетицию. По этажу разносилось: «И р-р-раз, носочек тянем, и-и-и два, Маша, опять ворон ловишь, и-и-и раз...» На стене – расписание кружков, детские рисунки с видами Крюкова и доска почета «Передовики КультТруда»: женщины сфотографированы в жабо и кокошниках, мужчины – в бабочках.

С директором ДК, Светланой Гарьевной, Лена столкнулась в дверях кабинета. Стройная, с балетной осанкой, светловолосая, лет сорока пяти. Лена заметила, что она чуть ли не первый человек в Крюкове, одетый не во что-то темное и бесформенное, а в бежевое платье сафари с голубым шейным платком. Лена сбивчиво объяснила, кто она и о чем хочет поговорить.

– У меня сейчас смотр коллективов перед отчетным концертом, вы не против, если мы всё обсудим во время прогона?

Это прозвучало скорее как единственно возможное решение, нежели вопрос, открытый к обсуждению.

Она быстро зашагала по коридору, не оглядываясь на Лёну. Светлана Гарьевна вошла в зал и села недалеко от пульта звукорежиссера. Лена пристроилась на соседнее кресло. За кулисами толкалась малышня в пышных юбках, расшитых пайетками. В первом ряду сидели девушки с бубнами в костюмах какого-то северного народа, какого именно – Лена не знала. На сцене двое парнишек в косоворотках играли на баянах, вытягивая шеи и притоптывая каблуками остроносых туфель. Баяны казались такими огромными и тяжелыми, что непонятно, как дети не падают со стульев, растягивая меха. За их спинами возвышался баннер, который не убрали после выездного собрания пятидесятников: «Сила моя в Господе. Праздничное служение для женщин».

– Так вам просто нужно помещение?

– Да, Юлия Михайловна сказала, что...

– Ах, Юлия Михайловна. Зачем вы тогда ко мне пришли?

– Не понимаю.

– Администрация распоряжается этим залом, как ей вздумается, мое мнение здесь не играет роли. Неважно – репетиции, не репетиции, нужен он для детей – не нужен. Для всяких шарлатанов и съездов местных чинуш из «Единой России» двери всегда открыты.

– Я не из «Единой России».

– Вы из нефтяной компании, это почти одно и то же.

– Мы планируем закупить колонки, микрофон для ДК, – Лена решила, что самое время выложить козырь.

Светлану Гарьевну как будто подкинуло на месте. В это время из-за кулис вышли девочки-дошколята и начали изображать сороконожку.

– Спасибо, конечно. Мы не в том положении, чтобы от милостыни отказываться. Но только все это не имеет смысла. Зачем здесь хороший микрофон, если некому учить детей петь?

– Простите, кажется, я задела сложную тему.

– И вы извините. – Она параллельно делала какие-то пометки в своем блокноте. – Вы здесь, конечно, ни при чем. Наша глава района, возможно, хорошая женщина, прекрасная жена и любящая мать, но, к сожалению, плохой руководитель.

– Я ничего не знаю о ее биографии.

– А вы поинтересуйтесь, вам с ней работать. Например, год назад она перенесла день города на две недели – с 3 августа на 15-е. И знаете почему?

– Почему?

– Хотела сделать приятное мужу, у него день рождения 15-го. Или вон видите девочку, вон ту, с длинной косой? Это Катя Синицына, моя ученица, призер областной олимпиады по истории среди седьмых классов. Но когда пришла квота на район – одно место в лагерь «Орленок» на смену одаренных детей. Кто поехал? Нет, не Катенька. И даже не Ваня Чернаков, бадминтонист, чемпион области по младшим. Поехал Серёжа Гусенцов, сын Юли Михалны, оболтус, который в прошлом году вылил учительнице клей на голову.

– А вы сами преподаете?

– Да, фортепиано.

На сцене выстроился ансамбль, зачехленный в черный низ, белый верх, – восемь девчонок и четыре мальчика. На вид – младшая школа. За рояль уселась немолодая дама-хормейстер в платье с кружевным воротником. Первый ряд стоял на полу, а для второго вытащили лавочку. Так что получилась двухэтажная конструкция. Дети пихались и веселились до тех пор, пока хормейстер не гаркнула увесистым басом:

– Сми-и-ирно. Запе-е-евай!

Ансамбль затянул на три голоса «Ой, то не вечер...». Лучше всех было слышно даму за роялем. Исполнение не отличалось стройностью. Светлана Гарьевна сдвинула брови и со-

средоточенно вслушалась. Лена сделала то же самое. И тут она явно поняла причину дисгармонии.

– Альты фальшивят. Им слишком низко. Я бы предложила поднять тему на тон выше: с ре на ми минор.

Светлана Гарьевна посмотрела на нее так, как будто увидела только сейчас.

– Музыкалка?

– Нет. Я в театральной студии занималась. Мы там и пели тоже. Еще на гитаре училась.

– Но жизнь свою вы с театром не связали.

– Нет, не связала, – Лена словно проглотила кусок крупной наждачки.

Они просидели молча до конца выступления. С последними аккордами аккомпанемента щуплый мальчик с верхнего ряда треснул по голове товарища снизу. Тот развернулся и пихнул его с лавки. Зачинщик отскочил от пола, как мяч-попрыгунчик, и тут же нанес ответный удар. Завязалась потасовка. К ней моментально подключились девчонки. Дам-хормейстер бросилась их разнимать.

– Капустина, быстро слезь с Иванцова! Вот паразиты, а!

На помощь хормейстеру выбежали баянисты. Мелюзгу быстро раскидали. Ансамбль покинул зал без прежнего лоска – прически растрепаны, из штанов торчат языки белых рубашек.

Светлана Гарьевна вздохнула:

– Господи. Цветы жизни на моей могиле. – Потом развер-

нулась к Лене: – В пятницу вас устроит? Зал будет свободен с шести вечера.

– Да, спасибо большое.

– Знаете, я буду рада, если у вас все получится. Городу нужен завод. Но не потому, что людям нужны деньги и работа. Кто хочет, найдет и то, и другое. Можно ходить в море, собирать ягоду, где-то крутиться. А потому что им нужен хоть какой-то ритм, порядок жизни. Вот когда работал целлюлозный завод – его еще японцы строили, – так вот, все поднимались в одно время, шли на смену, возвращались, с детьми гуляли. Людям было о чем говорить, они делили жизнь. А сейчас каждый живет сам по себе, все рассыпалось.

Ни о чем подобном Лена раньше не думала.

– Спасибо. – Она была готова обнять Светлану Гарьевну, но сдержалась.

– Ну всё, идите. Вот мой номер на всякий случай.

Кажется, это была первая маленькая победа. Настроение поднялось, и Лена поспешила выбраться на свежий воздух.

Глава 11

В вестибюле, когда Лена уже натягивала перчатки, прямо в ее коленки врезалась маленькая девочка. Тут же подбежала женщина в кожаной куртке и грубо оттащила малышку за капюшон.

– Она сегодня чумная какая-то, вы извините.

– Да ничего страшного. Ребенок.

В голове замелькали картинки из детства. Лене пять. Она уже умеет читать по слогам и может без запинок, как скороговорку, произнести английский алфавит. Мать подводит ее к огромным воротам. Они украшены золотым гребнем. Тени от колонн расчертили площадь косой зеброй. «Лена, читай». Она задирает голову. Солнце слепит глаза. Буквы еле различить: «Ор-де-на-ле-ни-на». «Молодец, не торопись, мышка. Что это за буква?» Лена путает «ц» и «щ». Мать злится: «Ну же. Сколько палочек над хвостиком? Две? Значит, какая это буква?» Лена вспоминает, читает дальше: «Це-нтра-л-ны-й-пар-к». «Умница! Поняла теперь, куда мы приехали?»

Лена ничего не поняла. От пекла кружилась голова. Челка прилипла ко лбу. Ей хотелось присесть на бордюр и больше не двигаться. Но у мамы, кажется, другие планы. Она тянет ее в огромную очередь шумных потеющих людей. Перед ними стоит долговязый парень в синей рубашке. Под лопатками у него два темных, влажных пятна, как будто тени от

невидимых крыльев. Лене нельзя бегать и отходить к газону, чтобы нарвать пучок одуванчиков. Мать держит ее за руку, отчего ладошка совсем мокрая. Через полчаса они наконец попадают внутрь.

Отовсюду играет музыка, дребезжат аттракционы, кричат дети. Какая-то девочка ест розовое облако. Лена просит такое же. Мать покупает, отщипывает ей по чуть-чуть. Вата тает и оставляет на пальцах сладкие кристаллики. Мама гримасничает, отрывает кусок и лепит себе усы. Лена смеется. Потом с удовольствием катается на щупальцах осьминога. Просится на лодочки, где надо стоять и отталкиваться ногами, но пускают только с десяти лет. Лена расстроена – это две ее жизни. Мать подмигивает: «Не грусти, мышка, сейчас будет весело». Они бегут наперегонки по аллее вдоль взъерошенных круглых кустов. Опять ждут своей очереди. Женщина с огромной грудью открывает перед ними голубую цепочку, цепочка вываливается из ее руки и противно брякает. Мама поднимает Лену на приступок, самой приходится забираться, когда кабинка уже оторвалась от земли на полметра. Юбка-солнце соскальзывает выше маминого колена. Колесо рывками, с капризным визгом начинает новый круг. Мама улыбается. Лена улыбается ей в ответ. Но чем выше они поднимаются, тем больше Лена чувствует ужас, беззащитность перед пропастью. Она потеряла опору. Ветер покачивает их маленькую крепость. Улыбка скатывается с лица. Мама пытается отвлечь ее. «Смотри, мышка, что там вни-

зу?» Она указывает на пруд. Лена смотрит вниз и начинает выть.

– Лен, а ну-ка, скажи, на какую буквы похожи катамараны сверху?

– На «эн», – Лена всхлипывает, но все-таки пытается сохранить лицо.

– А если по-английски?

– На «эйч».

– А лодочки, Лена, лодочки на какую букву похожи?

– На «А-А-А-А-а-а-а».

Страх победил, Лена отказывается смотреть по сторонам и тем более вниз. Закрывает глаза и орет, изо всех сил сжимая железные прутья липкими пальцами. Мать пересаживается к ней, обнимает за плечи. Кабинка дает резкий крен, отчего Лене кажется, что они отрываются от оси и падают прямо в пруд. На земле ее трясет, Лена плачет и никак не может успокоиться. Так она узнала, что боится высоты. Потом к этому страху прибавились и другие. Голуби, случайно наступить на шприц в подъезде и заразиться СПИДом, пиковая дама, Виталик из второго подъезда, который дразнит ее за дырки между зубов.

Еще до школы Лену пытались пристроить в разные секции. Для гимнастики у нее была слишком «плоская спина», для фигурного катания – «слабая координация», для живописи – «плохое чувство цвета». Каждый раз, отводя ее на новый кружок, родители надеялись, что Лена раскроется и до-

бьется невероятных успехов. Причем быстро. Но когда всем вокруг и даже самой Лене становилось очевидно, что этого не происходит, ее перебрасывали, как горячую картошку, в другую секцию. В первом классе Лену отдали в шахматный клуб. Сначала все шло хорошо, и Лена была на хорошем счету у преподавателя, но потом, когда началось серьезное изучение математических схем, связей, блокировок и матовых комбинаций, она стала скучать. Шахматная партия для нее была драмой, непредсказуемой и интригующей своим исходом. Лена любила делать глупые, зато неожиданные ходы. А холодный расчет убивал всю романтику на корню. Очень скоро она начала проигрывать даже средненьким игрокам. Тогда Лена выбрала другую тактику. Она поступила, как сборная России по лапте. Если не можешь выигрывать в чужие игры, придумай свою. Лена поменяла правила. Она начала играть в поддавки. Ее целью стало привести соперника к победе за меньшее количество ходов. Скоро все это поняли, и игры с Леной превращались в клоунаду и настоящий спектакль.

В конце года должен был состояться шахматный бал, для которого преподаватели выбирали короля, королеву и их свиту. Лене, конечно же, не досталась роль ферзя. Зато ей предложили стать конем. Мать почувствовала себя оскорбленной и, не дожидаясь бала, забрала дочь из клуба.

Последним Лениным прибежищем стала театральная студия при районном ДК. Среди родителей «одаренных» детей

прокатилась новость, что некогда популярный актер Роберт Иванович Голобородько, игравший в эпизодической роли сериала «Мелочи жизни», после долгого перерыва (читай запоя) возвращается к работе. В театр и кино его, по всей видимости, уже не брали, и поэтому он решил посвятить свою жизнь преподаванию. Желающих записаться в детскую труппу оказалось так много, что пришлось устраивать пробы. Лене, конечно же, повели и на них. Пробы проходили в небольшом зале, где обычно занимался эстрадный коллектив. По стенам развешаны постеры современных исполнителей, в углу – пианино, рядом – настоящие трехпалые стойки для микрофонов. В комнату набилось человек сорок детей и родителей. Первых отделили от вторых и вывели в центр комнаты. Голобородько сидел на крутящемся стуле, изображая скуку и лермонтовское одиночество. Директор ДК из угла выкрикивала новые задания, которые помогли бы обнаружить юные дарования. «А теперь, дети, изобразите котика». И все начинали отчаянно мурлыкать, так что котики выходили мартовскими, задирать лапы и вилять хвостиками. Лена видела, как красиво выгибают спину другие девочки, как нежно и мягко, с естественной грацией вышагивают по старому линолеуму. Они ничего подобного не умела. Потом нужно было прочитать стихотворение, повторить скороговорку и еще какую-то ерунду. На скороговорке Лена и вовсе провалилась. Вплоть до пятого класса у нее сохранялась легкая картавость. Коро-че, Карл и Клара были бы оскорблены Лениным прочтением

всем известной криминальной драмы. Видимо, Голобородько устал от творящейся вакханалии, соскочил со своего стула и закричал:

– Хватит! Теперь последнее задание. Кто выполнит – беру сразу на главные роли.

Родители притихли и напряглись. Девочки и мальчики застыли, готовые выполнить любой приказ, хоть прыгнуть из окна. Благо первый этаж. Голобородько вышел в центр зала и вскинул руки вверх:

– Плачьте! Я хочу, чтобы вы сейчас расплакались горячими слезами.

На секунду все замолчали. Даже директор ДК удивилась пожеланию мэтра. Но потом комната взорвалась душераздирающим воем. Девчонки куксились, закатывали глаза. Мальчишки пытались щипать и царапать себя, чтобы расплакаться от боли. Но ни один из них не смог выдавить даже одной слезы. Лена посмотрела на мать. Та ободряюще кивнула. Тогда Лена попыталась представить нечто ужасное, что привело бы ее в истерику. Мама умерла. И отец умер. И бабушка тоже. И Виталик из второго подъезда тоже умер. Наелся волчьих ягод, и каюк, жирный пончик – дай талончик. Так ему и надо, нечего задираться. Но от этих мыслей ей, наоборот, стало весело. И тут ее взгляд упал на висящий постер – четверо полуголых парней на сцене скачут с гитарами. В углу подпись – «НА-НА». НА-НА. Так выглядели катамараны и лодочки с высоты птичьего полета. Лена перенеслась в тот

день. Она вспомнила в деталях, как пол под ногами зашатался, а земля, такая надежная и твердая, осталась где-то внизу. Глаза застелила пелена, и Лена разрыдалась, испытывая тот же всепоглощающий страх, что и четыре года назад. Слезы лились могучим водопадом. Все дети обернулись и уставились на Лену. Роберт Иванович смотрел не отрываясь, а потом начал хлопать, широко разводя пухлые ладони. Родители поднялись со своих мест и тоже стали аплодировать, но Лена все никак не унималась. Она и не поняла, что настал ее звездный час. Только заметила, как счастливо улыбается мама. В списке на зачисление Ленина фамилия, в обход алфавитного порядка, шла под номером один.

С тех пор началась совсем другая жизнь. Лена учила все роли сразу. Она была универсальным солдатом, могла подменить хоть принцессу, хоть третью березку справа. Сама придумывала костюмы, подгоняла родителей, чтобы ни в коем случае не опоздать на репетиции с Голобородько. Но опоздать на занятия было практически невозможно. Позже всех приходил сам Роберт Иванович.

К Новому году готовили сказку «Волшебник Изумрудного города». Лена знала абсолютно точно, какую роль хочет получить. Дом у нее был, мозги вроде бы тоже, в сердце — необъятная любовь. А вот смелости Лене не хватало. На репетициях она всегда искрила остроумием, прекрасно входила в роль, могла изобразить меланхолию ослика Иа, безразличие Снежной королевы, катарсис трех поросят. Но во вре-

мя открытых показов в ДК тушевалась и даже путала слова. Лена боялась ошибиться, но все время ошибалась. В новой постановке она хотела играть Трусливого Льва, который отправляется по дороге из желтого кирпича, чтобы обрести храбрость. Во время завтрака Лена рассказала родителям о своих творческих планах. Мать нахмурила брови.

– Это Роберт Иванович тебе такую роль дал?

– Нет, мам, это я сама так решила.

– Послушай, мышка, что я тебе скажу. Ты должна в жизни делать все, чтобы играть только главные роли. Я думаю, ты должна выучить роль Элли.

– Но, мам, она же скучная.

– Нам часто приходится жертвовать своим интересом, чтобы в чем-то преуспеть. – Она бросила взгляд на отца, который мазал маслом две половинки печенья и складывал их в пирожное. – Но не все это понимают.

Глава 12

Лена уже поднималась по ступенькам ДК, когда зазвонил телефон: должник из кафе хотел ей что-то сказать.

– Оля, привет! Звоню, как и обещал. Где, что, надо договориться, я готов.

– Я Лена, вообще-то.

– Тем более. Юля Михална так и сказала – о чем Лена ни попросит, ты уж, Ванюша, помоги.

– Спасибо, я сама как-то.

– Да, что ты там сама. Ты ж людей наших не знаешь. Что им надо, как с ними разговаривать вообще. Весь город уже в курсе про завод, но как-то в очередь пока не строится к вам. Один Ванёк за дело болеет.

– Ладно, приезжай в офис, болельщик.

– То-то же. А то всё сами да сами. Прямо каждый суслик – агроном.

– Я сейчас передумаю.

– Да пошутил я. Подскочу через час, вы там в первом питомнике сидите?

– Чего?

– Да в школе 1-й.

– На втором этаже, да, кабинет географии.

– Ну, чайник кипяти.

Возле школы Лена невольно притормозила, как будто

увидела снег в пустыне. У входа рядом с заляпанной «Нивой», сплошняком покрытой надписями «Помой меня, сука», «Нет, ты наказана», «Грязь лечебная, недорого», стоял блестящий мотоцикл *Ducati* с питерским номером. Она даже разглядела свое отражение на синем полированном баке. В школьном фойе солнечный свет из окон выстелил на полу зебру. Лена проскакала по ней до лестницы, минуя поворот на «Мужской рай». Кабинет географии пустовал: Марина и Ирина ушли домой обедать. Лене показалось, что внутри пахнет пыльным валенком. Точно нужно выбросить всю старую мебель и модели вулканов из папье-маше, которые рыхлыми коричневыми кучами возвышались на отдельной полке. Лена открыла окно и дверь, чтобы устроить сквозняк, бросила на стул пальто и шарф. В это время из соседнего кабинета кто-то вышел, выпустив за собой в коридор агрессивный гитарный дисторшн и выкрики солиста *Black Sabbath*. Она выглянула и увидела, как в сторону лестницы удаляется парень в кожаной мотоциклетной куртке, которая чуть не лопалась на плечах, с короткими светлыми волосами и кривыми ногами жокея. Музыка разрывала его наушники.

Ванёк приехал посвежевшим. Кожа вокруг глаз разгладилась и больше не напоминала слоновью шкуру. Лена рассказала, что уже договорилась с директором ДК о времени для собрания.

– И чё, Гарьевна вот так сразу согласилась?

– Ну, не сразу, конечно. Сначала поругала твою Юлю Ми-

халну, пожаловалась, что в ДК людей не хватает, потом только согласилась.

– Конечно, не хватает, если у них танцы моя одноклассница ведет, Светка. Она в Южном сначала три года в стриптизе отработала, потом ее в проститутки взяли. Но что-то она там не поделила со шмаровозом, пришлось свалить оттуда. Теперь вон – «Чунга-чангу» с детишками учит.

– А Светлана Гарьевна знает?

– Конечно. Она сама ей и предложила. Гарьевна вообще крутая тетка, говорят, ее японец вырастил, с бабкой ее жил. А потом он там то ли сам умер, то ли убили его. Но это еще когда было, меня у мамки и в проекте не было.

– Ничего себе! Как это случилось?

– На заводе что-то. Фиг знает.

– А дети у нее есть?

– Откуда? Ее мужики все боятся. И потом, на хрена им баба, у которой и так сто детей?

– Ладно, давай по делу. Где нам лучше объявления развесить, чтобы людей побольше пришло?

– Ну, для начала в «Семёре». Там у нас главный центр связи, просто ЦУП. Все встречаются, трут с кассиршами, между собой. Все новости там узнать можно, кто где пернул, с кем переспал. Еще на рынке у корейцев, но это не по всем дням. По выходным в основном. Еще на точке, где боярышник продают, на Московской, – вот там твоя клиентура точно. Это всё, считай, Ванёк на себя берет. – Лена подметила,

что он вообще любит говорить о себе в третьем лице. – Ты, главное, объяву накатай – что, где, когда. А я по каналам своим раскидаю. В соцсети кину. И сразу напиши, сколько денег минимум, а то у нас народ деловой, так просто не попрется.

– Договорились. А ты мне помогаешь, потому что Юля Михална сказала?

– Сказала. Но я с тобой мешаюсь не потому, что она вас дойной коровой считает. Просто Ванёк при движухе любит быть.

– А ты в администрации какую должность занимаешь?

Он хмыкнул и подмигнул.

– Волонтер. Специалист по общим вопросам.

– И как на службу попал? Волонтерскую.

– Как-как. Учился я у Юли Михалны. Она ж у меня клас-сухой была. Дела решал с детства. Вот и приглянулся ей.

– И что за дела?

– Это тебе пока рано знать.

– И как она руководит? Люди довольны?

– Нормально руководит. Много не ворует. Так, в Таиланд слетать. Как хозяйственник она, конечно, не очень. Зато своя и знает людей нужных в области, просвещенная. Ее и главой-то выбрали, потому что у нее у одной из всех кандидатов высшее образование было – учитель начальных классов.

– Повезло вам. В общем, я объявление сверстаю сегодня и распечатаю, завтра тебе передам – развесишь.

– Да куда торопиться-то? У нас новости за полчаса разле-

таются. Давай я тебе лучше завтра экскурсию проведу, покажу, что тут у нас есть. Не видела ж ничего.

Лена колебалась. А что ей, собственно, терять?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.